

18+

Александр Соколов

Эпоха
Яркая эпоха

Александр Владимирович Соколов

Эпоха покаяния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11221900

ISBN 9785447414344

Аннотация

Какой может стать наша планета после глобального ядерного конфликта? Какое место в ней будет отведено человеку? Ещё одна попытка ответить на эти вопросы. Первобытный охотник встречает в лесу странного человека, который обладает невероятным оружием и знаниями. Юноша помогает ему оправиться от ран, нанесенных в стычке с дикарями. По возвращении в свою деревню охотник видит, что она разграблена и уничтожена. Пришелец предлагает юноше путешествие, которое навсегда изменит жизни обоих героев. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Эпоха покаяния

Александр Владимирович Соколов

*Посвящается светлой памяти
учителя географии
средней школы №7 г. Шуи
Владимира Александровича Арсеньева*

*Мы находимся здесь для того, чтобы
внести свой вклад в этот мир. Иначе зачем мы
здесь?*

Стив Джобс

Дизайнер обложки Татьяна Анор

Корректор Вадим Бочкарёв

Корректор Дмитрий Марков

Корректор Мария Шатунова

© Александр Владимирович Соколов, 2024

© Татьяна Анор, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4474-1434-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Небо над лесной опушкой потихоньку бледнело. Вскоре между стволами деревьев стал отчётливо виден холодный и негустой туман. Тишину нарушила первая птичья трель. Начинаясь новый день.

На верхней ветви двухсотлетней пихты сидел огромных размеров чёрный ворон. Открыв клюв и поворачивая голову то влево, то вправо, он разглядывал мёртвого оленя, который лежал в высокой траве. Затем, решившись, птица спланировала на тушу. Оглянувшись на всякий случай, ворон выклевал оленю оба глаза, вприпрыжку поскакал к внутренностям, которые лежали рядом, уцепил кусочек, потянул на себя, торопливо проглотил. Вскоре его заинтересовала палочка, которая торчала в теле животного. Пернатый хищник ухватил её клювом и начал потихоньку раскачивать, пытаясь вытащить, как вдруг раздавшийся неподалеку шорох его спугнул. Ворон поспешно взлетел, приземлился на ветку, недовольно каркнул и потряхнул крыльями.

Из шалаша, собранного накануне вечером, выбрался человек, которому на вид вряд ли было больше семнадцати лет. Загорелый до красноты, с копной длинных чёрных волос и узким разрезом глаз. Всё это указывало на азиатскую кровь, если бы не их серый цвет, симметричные, плавные черты лица с высокими скулами, прямой тонкий нос и до-

статочно пухлые губы. Человек выпрямился и сладко потянулся.

Телосложение юноши тоже указывало на смешение кровей. Рост метр восемьдесят, худощавый, но пропорционально сложенный, с лёгкими и узкими костями. Из одежды – набедренная повязка и что-то вроде казацкой бурки из кожи и меха, накинутая на плечи. На шее болтался вырезанный из дерева амулет.

Ворон видел, как юноша перекинул через плечо чехол с луком и стрелами и подошёл к туше оленя. Пернатый шутник оторвал шишку, взлетел и, прицелившись, сбросил её прямо на голову охотнику, после чего вернулся на свой наблюдательный пункт. Человек улыбнулся, увидев недовольную птицу, потёр ушибленный затылок, аккуратно вытянул стрелу с чёрным блестящим наконечником. Из такого же камня был сделан и его нож, которым юноша отрезал немного внутренностей и закинул на дерево.

Тем временем звезда по имени Солнце успела высушить росу на траве. День обещал быть жарким, поэтому охотнику нужно было торопиться. Добыв оленя, он доказал, что может по праву считаться полноценным членом своего племени. Два дня просидел юноша в засаде у опушки, дожидаясь свой первый трофей. И когда тот, наконец, подошёл, охотник не промахнулся. Однако доказательства, то есть рога, ну и, желательно, мясо, нужно было ещё донести. Поэтому парень соорудил носилки, нижние концы которых закруглил.

Положил в них оленя, верхние концы водрузил себе на плечи и волоком потащил через лес к своей стоянке. Чёрный ворон, меж тем, принялся щипать потроха.

Путь молодого охотника пролегал через участок темнохвойной тайги. Ему нужно было пройти приличное расстояние, огибая непроходимые завалы из упавших деревьев и чертя своими носилками две полосы в ковре изо мхов и лишайников. Тайга, с её вечным полумраком, была для него родным домом. Он определял направление по едва заметным знакам: рельефу местности, расположению светил на небе и мхам на деревьях. Ближе к полудню он проголодался и устал. Где-то поблизости протекал ручей, возле которого мужчины его племени устраивали привалы.

Вскоре охотник нашёл то, что искал. Он скинул с плеч носилки и спустился к ручью для того, чтобы набрать воды в кожаный бурдюк. Наблюдая за тем, как влага наполняла его ёмкость, парень расслабился. Он с удовольствием слушал лес, вдыхал его запахи, смотрел, как бежит вода, и в ней отражаются покачивающиеся под дуновениями ветра ветви.

Молодому охотнику показалось странным, что среди птичьего многоголосья и шума хвои на ветру ему слышались слабые раскаты грома. Человек поднял голову, посмотрел на небо. Ни единого намёка на грозу. Тогда откуда эти звуки? Юноша замер и наострил уши.

Звуки доносились вовсе не с неба, а из глубины старой чащи, которую его племя обходило стороной. Та «дорога», ес-

ли можно так сказать, вела в неизвестные края. Старейшины и отец строго-настрого запретили ему туда соваться, пугая страшными чудовищами и неизбежной смертью. Но с возрастом жгучее любопытство всё более овладевало им. И он сегодня решил нарушить запрет.

С носилками там нечего было делать, настолько тесно росли деревья и настолько захламлено было всё кругом буреломом и валежником. Поэтому парень отломал рога, вырезал самые нежные куски мяса, а всю остальную тушу, со вздохом, оставил.

Юноша набрал воздуха в грудь, медленно выпустил его, пытаясь унять волнение. Его взгляд устремился вглубь чащи, слух и обоняние заработали на полную. Ещё раз выдохнув, он нырнул в плотную тень, словно в омут.

Беззвучно охотник скользил от дерева к дереву. Звуки, больше похожие на хлопки, становились всё громче, как вдруг пропали совсем. Человек присел и оглянулся. Он понял, что если пойдёт дальше, то может заблудиться в этой непролазной чаще. Разволновавшись окончательно, юноша хотел было повернуть назад, как вдруг звук раздался совсем рядом. Он поправил съехавшую на глаза шевелюру и нервно сглотнул. «Нет, надо идти до конца» – подумалось ему.

В позе охотника – согнувшись и присев, ступая мягкой обувью так, чтобы не хрустнула ни одна ветка, юноша стал красться на звук. И наткнулся на тело человека, навзничь лежащее на муравейнике с распостёртыми руками и ногами.

В вечном полумраке он не сразу его разглядел. А когда увидел, то пришёл в ужас. По волосам, которые были заплетены в мелкие косички и густо обмазаны глиной, тёмной коже, палице, вырезанной из узловатых корней дерева, он узнал злейшего врага своего народа: воина племени «Красноволосых». На груди у него была маленькая, с мизинец толщиной рана с уже запёкшейся кровью. Насекомые шустро бегали по трупу, залезали в глаза, в уши, шевеля своими усиками, жала кожу, от чего та вздулась белыми пузырями.

Немного уняв дрожь в коленках, вчерашний мальчишка пробрался чуть дальше и обнаружил ещё несколько трупов Красных Волос. У каждого из них на голове или груди находились точно такие же аккуратные дырочки, а на земле то тут, то там были разбросаны резко пахнущие жёлтые цилиндрики.

Мысли вихрем проносились у него в голове: «Как такое могло произойти? Кто убил этих людей? Каким оружием? Где он сейчас?» Впрочем, искать ответы долго не пришлось. За очередным завалом из полусгнивших ветвей, прислонившись спиной к толстой ели и закрыв глаза, сидел человек. На виске у него была кровоточащая рваная рана, нанесённая палицей. В правой руке незнакомец держал то самое оружие.

Наш исследователь настолько увлёкся, что перестал смотреть под ноги. Он принялся заворожённо изучать пришельца, разглядывая его со всех сторон.

Человек, похоже, обладал медвежьей силой. Под странной

зелёной одеждой, делающей его незаметным в лесу, бугрились огромные мускулы. Невысокий рост – метр семьдесят, широчайшие плечи, белая кожа, из-под которой выпирали извилистые вены, тяжёлые, крупные кости. Крепкая, словно нарочито небрежно высеченная из гранита каким-то скульптором голова с квадратным подбородком, острыми скулами и короткими, цвета одуванчика, волосами, расчёсанными на прямой пробор. Самый пик жизни – около тридцати пяти лет.

Юноша приблизился вплотную. Под ногой предательски хрустнула ветка. Он увидел пронзительные глаза цвета неба на испачканном лице, а в следующее мгновение незнакомец открытой ладонью ударил юношу в солнечное сплетение. Охотник отлетел и упал на спину.

Атака была стремительной и очень болезненной: дыхание отказало сразу же. Скорчившись, юноша хватал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Человек, меж тем, прищурил глаза. Что-то во внешности охотника его привлекло. Через пару минут юноша с трудом встал. Пришелец поднял руку с тёмной и блестящей штукой и направил на него. А парнишка думал, как же она может его убить. Она не острая, не тяжёлая, словом, совсем не представляла угрозы. Было страшно и интересно одновременно. Чужак, тем временем, устало опустил руку. Кровь из разбитой головы потекла сильней.

– Я помогу тебе, – неуверенно промямлил охотник, опу-

кая на землю свой лук, копьё и колчан со стрелами.

– Я умею останавливать кровь, – добавил он некоторое время спустя, не увидев понимания на лице пришельца.

– Кто ты? – тихо, но грозно спросил незнакомец.

Тут у нашего героя в горле встал ком, а на глазах выступили слёзы. Ведь эти два коротких слова были сказаны на языке его любимой и, к сожалению, давно покойной мамы. Этот язык он почти забыл, так как его племя на нём не говорило. И вот так, неожиданно, в самой глубине непроходимой тайги, снова услышать до боли знакомые слова... Словом, это было слишком для него.

Слёзы юноши, его широко распахнутые глаза, невозможно было не заметить. Взгляд незнакомца изменился: холодный прожектор превратился в тёплую свечу.

– Кто ты? – повторил пришелец уже спокойнее – Как тебя зовут? Ты понимаешь меня?

– Я понимать тебя. Я помогать тебя. Меня звать Аюн, – почти скороговоркой выпалил юноша, судорожно вспоминая полузабытые слова и почти не следя за правильностью их произношения. Но незнакомец его прекрасно понял и кивнул головой.

– Валяй, помогай, – сказал он и снова прикрыл глаза. – И кстати, меня зовут Дмитрий. Для друзей – просто Дима. Приятно познакомиться, Аюн. Если можно, конечно, это назвать приятным знакомством.

Аюн улыбнулся. Юноша вытащил с корнем известное ему

растение, обмыл водой, засунул в рот и принялся жевать. Немного покружил вокруг, нашёл другое растение, которое тоже положил в рот.

– Проголодался? – спросил Дмитрий, в свою очередь улыбнувшись.

– Это остановить кровь и уберёт боль, – не понял шуточки юноша.

Аюн выплюнул кашицу. Голова у него слегка закружилась, как это всегда бывало, когда он жевал эти травы. Лекарство он приложил к виску раненого, накрыл листом и завязал тесёмкой.

– Давай уйдём отсюда. Мне тут не по себе, – попросил Дмитрий.

Юноша кивнул, перекинул руку раненого через плечо, и они вдвоём медленно побрели прочь от места кровавой стычки, усеянной трупами грабителей.

Отойдя подальше, охотник аккуратно усадил пострадавшего спиной к дереву, который, почувствовав облегчение, задремал. Аюн снова взглянул на небо. День клонился к закату, поэтому нужно было готовиться к ночлегу.

За валежником ходить далеко не нужно было, поэтому парнишка быстро соорудил очаг и небольшой навес из лапника. Из своей сумки он извлёк два деревянных брусочка из крепкого дерева с почерневшими углублениями в центре, а также палочку с заострёнными и тоже почерневшими концами. Тетиву лука он обернул вокруг палочки, которую вста-

вил между брусками, снизу обложил сухим мхом, перемешанным с травой. Встав на одно колено, он надавил на верхний брусочек левой рукой, а правой стал водить луком, заставляя палочку быстро вращаться. Спустя пару минут показался дым и угольки, которые юноша принялся раздувать. Вскоре костёр вовсю трещал ветками, отдавая своим хозяевам жар и даря уют.

Охотник достал из сумки мясо, понюхал его. Действительно, оно не успело испортиться. Аюн вытащил свой нож, принялся резать мясо на куски, пыхтя и прикладывая немалые усилия. Но других инструментов его племя не знало.

– А ну-ка, парень, попробуй-ка это, – услышал юноша сзади голос Дмитрия. Он обернулся. Пришелец протягивал ему свой нож в аккуратных ножнах. Аюн обнажил клинок и замер в восхищении. Лезвие было сделано всё из того же серого и блестящего материала, необычайно твёрдого и гладкого.

Юноша провёл пальцем по острию и моментально обрелся. Пришелец, наблюдавший за его действиями, от души рассмеялся. Аюн обиженно засунул палец в рот. Оленина этим инструментом резалась легко и непринуждённо. По округе распространился ароматный запах шашлыка.

В голове Аюна вертелись десятки вопросов, которые он так и не решился задать Дмитрию. Только смотрел на него своими серыми, слегка раскосыми глазами, обрамлёнными густыми ресницами, вертел прутики с мясом, да поправлял волосы, время от времени спадавшие ему на лицо. Поэтому

его невольный спутник заговорил первым:

– Я знаю, тебе хочется узнать обо мне побольше. Ты, наверняка, считаешь меня очень странным и необычным. Поверь, я удивлён встрече с тобой не меньше. Я обязательно о себе расскажу. Но не сейчас. Сейчас я должен поправиться и хоть немного понять, кто передо мной. Поэтому давай, не стесняйся, рассказывай о себе.

Аюн улыбнулся. Он достал из сумки большой кусок кожи который расстелил на земле, снял с очага прутики с румяными кусочки оленины и выложил на эту импровизированную скатерть. Опять же из сумки извлёк два белых пористых камня и начал тереть друг о друга. Получившимся порошком он посыпал шашлык. Дмитрий, меж тем, не сводил с юноши глаз и о чём-то думал.

– Мы жить там, на холм, – Аюн протянул руку и указал в сторону. – Мы охотимся на зверь и ловись рыбку. Наши старшие лечить больных травы и заговоры. Моё племя строить дом из ветвей и накрывать их олень шкура. Каждый удачная охота мы все отмечать танец и огнём. Взрослые учить детей всему. Я жить с отец и младшая сестра. Пришло время мне стать взрослый. Эти рога я несу, чтобы доказать старшим, что я уже взрослый и могу создать семью.

Речь молодого охотника была сумбурной. Он много жестикулировал, долго подбирал слова, иногда их коверкал, иногда долго молчал и думал, о чём бы еще поведать. Да и вообще, он ещё никогда так много сразу не говорил. Но его

спутник без труда понимал всё, что было сказано. В конечном итоге, парень сам не заметил, как уснул. Дмитрий вздохнул и устался в костёр. Иногда он подбрасывал в него валежник, и тогда рыжее пламя озаряло небольшую полянку. Его свет проникал к вершинам сосен, елей и пихт, терялся и плутал среди них.

– Да какое я имею право? – вдруг со злостью шепнул пришелец и испуганно замолчал, заметив, что юноша зашевелился во сне. И, видимо, приняв некое решение, он отогнул рукав на левой руке. В темноте блеснули часы. Дмитрий покрутил маленькую шестерёнку и тоже уснул.

Рано утром часы на руке мужчины завибрировали. Дмитрий проснулся и первым делом потрогал повязку. «Хм, интересно!» – подумал он. Боль ушла, голова была ясная, а рана превратилась в сухую болячку.

Стараясь не шуметь, он натянул на плечи свой большой рюкзак и в последний раз бросил взгляд на юношу. На скатерть Дмитрий положил свой нож и начал было медленно удаляться. Но он не учёл, что имеет дело с жителем леса, у которого все органы чувств были необычайно развиты. Так же, как и накануне, под тяжёлым ботинком Дмитрия громко треснула ветка. Для Аюна это было всё равно, что в барабан ударить. Он тут же проснулся, сел и устался на спину Дмитрия, а потом на его нож.

– Я за водой, – неумело соврал Дмитрий, заметив, как изменилось лицо юноши.

– У меня есть вода, – сказал Аюн и протянул Дмитрию свой бурдюк. Тому ничего не оставалось, как взять эту примитивную ёмкость из рук юноши и сделать несколько глотков.

– Я понял... Ты хочешь уйти, – грустно сказал охотник и вздохнул. – Но почему? Ведь я помогай тебе. Мы сидели у огонь, который развел я и кушать мясо, который я добыть. В моё племя это означать знакомство. Знакомые люди нельзя молча расстаться. Почему ты хочешь уйти?

– Эм, послушай, Аюн – прервал его пришелец, – Ты даже не представляешь, как я тебе признателен за помощь. Но я пришёл из мира, который может уничтожить и тебя и твоё племя. По крайней мере, сильно изменить вашу жизнь. Ваш мир хрупок, друг мой. Хрупок и бесценен одновременно. Он чист и непорочен. Но стоит человеку, вроде меня, с плохими намерениями обнаружить его, как может случиться непоправимое. И если я тебя оттуда вырву, если наговорю чего-то лишнего, то могу разрушить всё это. Природа сохранила этот кусочек первозданной чистоты в тайне. Тайной для всех он и должен оставаться. Признаюсь, я струсил, когда решил уйти втихаря. Но мне так было проще. Прости, если сможешь.

Аюн вдруг осознал смысл слов пришельца. Юноша вспомнил таинственное и грозное оружие Дмитрия. А если бы оно было бы в руках Красноволосых? Юноша даже задрожал от страха.

– Я понять тебя, – ещё раз вздохнул он, – Я не злюсь на те-

бя. Скажи, мы ещё когда-нибудь увидимся?

– Земля круглая, – засмеялся Дмитрий, и внезапно осёкся, заметив, как поднялись брови у его собеседника. – Ну, я хотел сказать, что всё может быть. Надо верить и надеяться. Ты, пожалуйста, на память обо мне возьми этот нож. Пользуйся им на охоте, только никому не показывай. Ибо он может многое изменить. А теперь иди, друг мой. Тебя наверняка заждались дома. И запомни: никто не должен знать о нашей встрече.

Аюн горестно кивнул. От этого движения волосы закрыли его молодое красивое лицо с покрасневшими и намокшими глазами. «Какой из меня мужчина?» – подумал он – «Я ещё мальчишка, который не умеет держать себя в руках».

Юноша подхватил свой трофей и лёгким шагом стал удаляться от места ночлега в сторону деревни. Он захотел как можно быстрее оказаться дома и постараться забыть всё, что произошло накануне.

Аюн шёл максимально спрямляя путь, подобно тому, как летят птицы в своих миграциях. Его обострённое чутьё вновь заработало на полную катушку.

До деревни оставалось чуть меньше получаса ходьбы, когда на нижней еловой ветке он заметил соболя, который засунул голову в дупло. Охотничий азарт моментально овладел юношей. Ещё бы: ведь даже летняя шкурка зверька ценилась его соплеменниками очень высоко.

Аюн спрятался за деревом, медленно достал стрелу

из колчана, вставил её в лук. Двумя пальцами он натянул тетиву, прижал к правой щеке, рассчитал воздушную дорожку полёта. На выдохе молодой охотник расслабил пальцы, и стрела, негромко свистнув, пролетела мимо цели.

Соболь вытащил голову из дупла, почувствовав что-то неладное. Аюн, меж тем, выругался про себя. «Мазила, – подумалось ему, – тебе бы только орехи в лесу собирать». Он зарядил вторую стрелу, натянул тетиву. Раздавшийся хруст веток и топот ног заставил его резко обернуться. Прямо на него бежали пять человек с тёмными лицами и перемазанными красной глиной волосами. В руках у них были уродливые дубинки.

Сердце у вчерашнего мальчишки на мгновение остановилось, а затем мощными толчками погнало кровь по всему телу. Замешательство длилось всего секунду, стрела с уже натянутого лука впиалась глубоко в грудь впереди бегущего врага, который, сделав по инерции ещё пару шагов вперёд, упал и затих. Человек не соболь, да и расстояние до него было намного меньше. Четверо оставшихся в живых Красных Волос окружили одинокого охотника, скаля зубы. Аюн взял на изготовку копье, слегка согнул колени, выставил вперёд левую ногу, следуя древнему Искусству, которому обучал его отец.

Стоящий сзади воин издал дикий вопль и попытался обрушить дубину на затылок юноши. Одновременно воин, находившийся справа, нанес боковой удар в грудь. Мозг Аюна

мгновенно нашел выход из положения. Быстро, тупым концом копья, он провёл опережающий выпад назад, в голову дикаря и сразу же уклонился в сторону. Палица пролетела мимо, а у сзади стоящего воина от сильного удара потемнело в глазах, из сломанного носа обильно потекла кровь. Враги замешкались, а юноша коротко ткнул копьём в грудь врага, стоящего слева, попав прямо в сердце. Аюн быстро скользнул в освободившееся пространство, прижался спиной к дереву, повернулся лицом к противникам. Руки его дрожали, дыхание стало частым, прерывистым.

Неожиданное сопротивление со стороны того, кого Красноволосые сочли лёгкой добычей, вызвало в них взрыв ярости. Воины с трёх сторон обступили охотника, рыча и потрясая оружием. Только теперь они решили не бросаться в атаку сломя голову. Удары градом посыпались отовсюду. Аюн отразил атаку в голову, в ответ с силой пнул в колено, выворачивая его наизнанку, практически мгновенно подставил древко под могучий удар слева. Но охотничье оружие не выдержало и переломилось. Узловатая палица врезалась в плечо, которое онемело и отказалось двигаться. Следующий удар попал в живот. Юноша упал, и его тут же обступили.

Два не получивших ранения воина довольно переглянулись, увидев обезоруженную, беспомощную жертву. Третий выл, катаясь по лесной подстилке, держась за сломанное колено. Не обращая внимания на его вопли, враги уже хоте-

ли прикончить наглеца, но у того в руке блеснул нож. Очертив блестящий полукруг, лезвие полоснуло одному по горлу и обратным движением воткнулось второму в грудь.

Задышавшись, Аюн подставил ногу под падающее тело. Он с усилием встал, и, шатаясь, словно пьяный, осмотрел поверженных противников. Затем с ним случился приступ рвоты.

Раненый воин, у которого на шее было ожерелье из волчьих зубов, скуля и держась за сустав, уполз вглубь леса. Юноша не стал его преследовать, зная, что он без помощи долго не протянет. Природа к таким была безжалостно справедлива.

После того, как желудок Аюна перестал сокращаться, до него дошло, что нападение произошло всего в нескольких минутах ходьбы от его деревни. Юноша помчался к дому.

Перепрыгивая через ямы и канавы, огибая деревья и валенки, Аюн понёсся домой, надеясь, что не произошло самого страшного. Надеясь, что те, кого он убил, были только разведчиками. Но его глазам предстало леденящее зрелище. Деревня Аюна теперь была царством мёртвых.

Словно в тумане он бродил среди погибших соплеменников и чужих, ещё надеясь, что не найдёт среди них своих родных – отца и сестру. Но опять его надеждам не суждено было сбыться. Их тела он нашёл недалеко от леса с противоположной стороны. Его семье почти удалось убежать, но их догнали. Отец, владевший Искусством, сумел убить нескольких бандитов, но всё равно не смог спасти дочь и себя. Красново-

досые не изменяли своим привычкам. Эти жестокие грабители никогда никого не оставляли в живых, ибо только мёртвые не смогут отомстить.

Земля ушла из-под ног вчерашнего мальчишки. Глаза заволокла пелена слёз. Он упал на колени, ладони с нечеловеческой силой сжали подаренный клинок, и крик, переполненный невыносимой болью, взлетел в небо.

У второго героя была фамилия – Ляховский. Оставшись в одиночестве, Дмитрий достал из своего рюкзака сборник карт, которые были разрисованы карандашом, и компас. Он немного ушёл в сторону от маршрута, поэтому ему потребовалось несколько минут, чтобы сориентироваться.

Увлёкшись мыслями, он не заметил, как из-за деревьев выскользнули четыре тени, которые, пригнувшись к земле, подкрались к нему. Очнулся Ляховский только тогда, когда увидел занесённую над головой дубину и сумасшедшие от ярости глаза. Он рывком вскочил, схватил противника за руки, и сразу же ударил коленом в пах. Противник охнул и согнулся. Чужеземец подхватил его, поднял в воздух, с силой бросил себе на бедро, переломав спину. Палица оказалась в руках Ляховского. Он мог бы, как накануне, попросту перестрелять их, но почему-то решил преподать им урок.

Схватка оказалась очень короткой. Дмитрий полуоборо-

том уклонился от атаки одного воина, по очереди отбил своей дубиной два встречных удара, и неожиданно, с огромной силой обрушил оружие на голову подставившегося дикаря. Раздался отвратительный звук, череп раскололся, словно орех, выплёскивая наружу мозги вперемешку с кровью. Красноволосые раскрыли рты, а Ляховский с разворота врезал дубиной в грудь другому врагу. Воина отбросило назад, словно он попал под локомотив. Враг забился в конвульсиях, изо рта хлынула пузырящаяся ярко-алая кровь. Последний оставшийся в живых дикарь бросил палицу, развернулся и с воем кинулся наутёк.

Дмитрий выпустил из рук обогрëнную кровью палицу и зло выругался. Красные Волосы выбрали для нападения чертовски удачный момент, рассчитывая, по-видимому, расправиться с ними поодиночке. Причём именно тогда, когда он отвлëкся. А если так, то юноше угрожала смертельная опасность. Ляховский накинул на плечи рюкзак и побежал вслед за Аюном.

В отличие от охотника, Ляховский переполошил всё кругом, шумя как стадо слонов. Ветви ломались и хлестали его по плечам, тяжëлые ботинки хрустели лесной подстилкой. Он постоянно раздражëнно убирал с лица липнущую паутину, при этом матерился вслух, с шумом втягивал и выпускал из себя воздух.

Дмитрий бежал так уже довольно давно, но догнать молодого охотника так и не смог. Шум, который он издавал,

привлѣк внимание Красноволосях. Дикари показались перед Ляховским, как всегда, потрясая дубинками и показывая зубы с длинными клыками. Но на сей раз пришельцу было некогда: в его руке блеснул пистолет. В следующее мгновение затвор трижды дѣрнулся, короткое пламя выплюнуло пули. На затылках грабителей колыхнулись волосы, головы резко откинулись, а тела, обмякнув, мешками повалились в траву. Дмитрий убрал оружие и оглянулся. До охотничьей деревни оставалось рукой подать.

Тяжёлая рука опустилась на плечо молодого метиса. Он с трудом оторвал взгляд от тел близких и посмотрел на Дмитрия своими мокрыми от слѣз серыми глазами.

– Мне очень жаль, – услышал юноша низкий голос. Он снова опустил голову, не в силах совладать с собой.

Ляховский оглядел деревню. Она была разграблена дочиستا: на юртах не осталось ни одной шкуры, кругом торчали пустые жерди, унесены все запасы пищи, украдено оружие, кухонная утварь, инструменты. Дмитрий обратил внимание, что с западной окраины селения множество тел жителей с разmozжѣнными головами находилось внутри юрт. Только ближе к центру он обнаружил первый труп дикаря.

По мере продвижения на восток количество тел Красноволосях возрастало. Появились тела соплеменников Аюна,

которые лежали вне жилищ. Некоторые держали в руках оружие. На окраине селения число трупов с обеих сторон достигло максимума. Все эти факты заставляли Дмитрия хмурить брови. По всей видимости, оставаться тут было опасно. Поэтому он вернулся к юноше и сказал:

– Послушай. Я понимаю твою боль. Я сам пережил нечто подобное. Но ты молод и должен жить. У тебя ещё всё впереди. Время – лучшее лекарство от душевных терзаний. А эти звери заслуживают мести.

При слове «месть» губы Аюна плотно сжались, ноздри расширились, а глаза сузились. Дмитрий явно знал, какие слова смогут поставят юношу на ноги. Но, заметив, что охотник крепко сжал лук, вытер слёзы и обратил свой взор к лесу, поспешил его осадить:

– Прежде, чем мы свершим месть, надо похоронить убитых. Я помогу тебе с этим. Только я не знаю ваших обрядов.

– Тела умерших мы сжигать на большие костры, – услышал он рвущийся голос, – а прах отдать лес.

– Так и сделаем.

Через некоторое время над мёртвой деревней взвилось языки пламени. Топливом послужили жерди юрт, наколотые на зиму дрова и колья от забора. Два человека стояли и смотрели на огонь. Один из них сложил вместе три пальца правой руки, после чего по очереди приложил их ко лбу, животу, правому и левому плечу. Он что-то прошептал, поклонился. От этого движения из-под зелёной одежды выскольз-

нул предмет, висящий на шее на тонкой цепочке. Человек поспешно спрятал его обратно. Второй человек стоял неподвижно, сложив ладони рук, подняв их на уровне груди, и закрыв глаза. Потом, очнувшись, он поставил к кострам маленькую деревянную статуэтку.

– Аюн, послушай меня, – сказал пришелец. – Мы не сможем отомстить этим негодьям немедленно. Нас всего двое, а их много. Месть – это блюдо, которое подается холодным. Я предлагаю тебе путешествие. Я вижу, что ты любознательный мальчишка. Может быть, совершив его, ты станешь сильнее, узнаешь много нового для себя. Вдвоём намного легче преодолевать все тяготы и лишения. Но остальной мир может быть смертельно опасным для нас. Насколько именно, боюсь даже представить. У меня есть цель, к которой я иду всю свою жизнь. Я буду рассказывать о себе понемногу, вечерами у огня. Я передам тебе свои знания, так как вижу, что ты намного мудрее, чем я мог себе представить поначалу. Я предлагаю тебе это путешествие только потому, что произошло самое страшное – твоего мира больше нет. Я предлагаю, но не настаиваю. Решение принимать тебе...

– Я хотел попросить взять меня с собой, потому что весь мой род погиб. Поэтому я пойду с тобой.

С этими словами Аюн протянул руку Дмитрию, которую тот, с уважением, пожал.

Глава 2

На большой поляне догорали погребальные костры. Невесть откуда взявшийся ветер разметал пепел и унёс его в лес. Два человека, отдав дань памяти и уважения, с тяжёлым сердцем покинули селение.

Юноше, по большому счёту, было всё равно куда идти. А вот Дмитрий знал конечную точку странствия. Для начала ему нужно было вернуться к тому месту, где они познакомились, пересечь ту самую чащу. Ну, а дальше – одному только Богу известно, как всё пойдёт.

Этот участок тайги оказался длинным. Для того, чтобы выйти к противоположной границе леса, путникам потребовались три недели. Они шли медленно, огибая завалы и болотистые низины, протискиваясь между стволами деревьев, запутываясь ногами в подлеске и раздвигая руками разлапистые нижние ветви.

Переход был изматывающим, иногда казался бесконечным. К вечеру силы, особенно у могучего Ляховского исчерпались вовсе. Он колодой валился с ног, тяжело дыша и вытирая со лба крупные капли пота. Большой рюкзак временами казался неподъёмным. Привычному к длительным переходам Аюну было легче. Но ему приходилось напрягать свои органы чувств, чтобы снова не угодить в засаду Красноволосых, банды которых всё ещё бродили по окрестностям.

В такой местности было практически невозможно охотиться. Следов животных не было. Каждый раз, разбивая лагерь, приходилось очень тщательно следить за огнём. Всего одно неловкое движение, и частокол деревьев вкупе с валежником превратился бы в один гигантский крематорий, ловушку, из которой было бы невозможно выбраться.

Сначала путешественники питались жареной олениной. Зверя добыл Аюн ещё на границе привычного ему мира. Мясо было заготовлено впрок и уложено в мешки. Но уже через полторы недели оно закончилось, странники стали голодать. Ещё через пару дней закончилась вода. Как назло, её источников они тоже не нашли.

Как-то вечером, скрепя сердце, Ляховский достал из своего рюкзака два блестящих цилиндрических предмета, измазанных непонятной дурно пахнущей жижей. На них были нарисованы странные для юноши розовые кабаны без шерсти и клыков. Он попросил у юноши нож, которым срезал верхушки. Пояснив, что внутри находится еда, Дмитрий протянул один из них охотнику. Аюн понюхал содержимое, и оно ему поначалу не понравилось. Но выбора не было. Юноша запустил внутрь пальцы, выудил кусок, предварительно оцарапавшись об острые края, и принялся жевать. Мясо оказалось удивительно мягким, нежным, с доселе неизвестным вкусом. Оно буквально рассыпалось во рту, не идя ни в какое сравнение с олениной.

Аюн заглянул внутрь банки и среди мяса разглядел ма-

ленькие кусочки корней. Самонадеянный мальчишка тут же отправил парочку таких корешков в рот, за что тут же поплатился. На языке и дёснах возник пожар. Юноша высунул язык, часто-часто задышал, нащупал свой пустой бурдюк, с отчаянием сжал его, выпучив глаза. Дмитрию пришлось схватить парня за плечи, усадить его и несколько раз повторить, что скоро всё пройдет. Через несколько минут Аюна и вправду, что называется, «отпустило». Он брезгливо выбросил из банки корешки.

– Скажи, что это? – спросил юноша.

– Это мясо, которое может храниться несколько лет. У нас есть секрет его изготовления.

– Зачем корешки? Язык жечь огонь.

– Ну... если кушать только их, то да. А если немного добавить в мясо, то его вкус будет совсем другим. Ведь мясо тебе понравилось?

Обоих странников мучила жажда. Они прекрасно знали, что мутную стоячую воду из заболоченных низин пить нельзя. Разница была лишь в том, что Аюн это однажды проверил на себе, а Дмитрий получил это знание другим путём. Две пустые жестянки натолкнули его на мысль.

Руками он принялся разгребать толстый слой полусгнившего опада, пока не показалась серая почва. Ляховский попросил у Аюна нож, которым вырезал в ней четырёхугольное отверстие. Затем он подsunул клинок под этот квадратик из почвы и корней, ловко поддел и отбросил в сторону. Под

слоем почвы обнаружился мелкий песок. Дмитрий пропустил его между пальцами, оценивая качество. Этим песком он наполнил половину банки. Оставшуюся половину он заполнил углями из костра. Ляховский тщательно перемешал песок и уголь, в дне банки проделал отверстие. Вторую банку Дмитрий наполнил водой из ближайшего болотца. Банку со смесью угля и песка он сунул в левую руку юноше, пустой бурдюк попросил приложить к отверстию в дне. Воду из первой жестянки Ляховский медленно вылил в смесь. Прозрачная вода тонкой струйкой побежала в кожаный бурдюк. Дмитрий принёс вторую порцию воды, потом третью. Через несколько минут бурдюк был полон. Аюн уже был готов отхлебнуть из него, но напарник удержал поднятую руку.

– Ещё рано, друг мой. Эта вода по-прежнему опасна.

Ляховский подбросил хвороста в костёр. Пламя, уже почти угасшее к тому времени, разгорелось с новой силой. Он взял бурдюк из рук юноши, вставил в рогатину и повесил над огнём.

– Что ты делать? – вскричал Аюн. – Ты сжечь, ты сжечь! Нельзя!

– Вода не даст огню сжечь кожу, – с улыбкой ответил Ляховский. – Ну, максимум, спалит шерсть на ней. Вот, смотри сам!

И правда, шерсть на ёмкости сгорела, сама кожа почернела от сажи, но не испортилась.

– Это не может быть! – прошептал Аюн, благоговейно

смотря на Дмитрия. – Но как это быть?

– Как тебе сказать... Вода поглощает жар огня, оставляет кожу холодной. Разве твой народ не кипятил воду перед тем, как ее пить?

– Нет. Мы всегда пьем вода из ручей. И я не понимаю, зачем её... как ты сказать... «кипятить»? Горячий вода невкусная. Я пробовать, когда ребёнок.

– Это смотря какая, – со знанием дела ответил Ляховский. Он пошарил по карманам. – Стоячая вода опасна не только потому, что она грязная. В ней живут маленькие существа, которые могут нас отравить. Нагревая воду, мы их убиваем, и они больше не могут причинить нам вред. Но и это ещё не всё.

С этими словами он торжественно извлёк свёрточек из белого тонкого и полупрозрачного материала, сквозь который просвечивала высушенная трава. Аюн тут же уловил её запах.

– Горячая вода – это ещё и напиток, которым я тебя скоро угощу. Будем считать, что у нас сегодня праздник!

– Я люблю праздники. Наши племя делать их каждый раз, когда добывать зверь, когда время поворачивал ход, когда молодые становись мужем и женой, когда...

Тут Аюн осёкся. Воспоминания вызвали у него тоску, которая проявилась в изменившемся голосе и увлажнившихся глазах.

– Ты простить, – Аюн спрятал лицо под густой гривой

вороних волос. – Мужчина нельзя показывать чувства. Это неуважение. Но мне можно, ведь я не успеть...

– Я не из твоего племени, поэтому для меня ты – мужчина. Ты даже не представляешь какой, – Дмитрий ещё раз внимательно присмотрелся к юноше. – Похоже, что твоя мама пришла в твое племя из моего народа. Она обучила тебя своему и моему, между прочим, языку.

Ляховский убрал с огня заклокотавший почерневший бурдюк, из горлышка которого, к тому времени, показался белый пар. Он прополоскал банку, загнул острые края крышки, наполнил её водой. В кипяток опустил белый свёрток с травой и добавил белый камушек, который тут же растворился. Вода окрасилась в зеленовато-коричневый цвет, приятно запахла. Дмитрий втянул ноздрями аромат и протянул напиток Аюну.

– На, попробуй. Только осторожно, не обожгись!

Юноша сделал первый глоток. Его брови поползли наверх, на лбу образовалась длинная горизонтальная морщинка. Он отхлебнул ещё раз, причмокнул языком.

– Это очень вкусно, – сказал парнишка, протянув импровизированную кружку Ляховскому.

– Ну вот, ты и познакомился с чаем. Жаль, конечно, что это не настоящий чай. Настоящий растёт очень далеко. Там тепло круглый год, живут удивительные звери и растут невиданные растения. Там никогда не бывает снега и есть море... ну, такое большое солёное озеро, у которого не видно дру-

гого берега. Впрочем, Бог его знает, как там сейчас. Может, всё иначе.

Дмитрий допил чай. Он иногда говорил загадками, непостижимыми для Аюна. Но юноша из-за природной скромности и почитания к старшим не приставал с расспросами. Тем более, что Ляховский сам говорил, что со временем, сам всё расскажет. По крайней мере то, что знает сам. Охотник сгрёб угли поближе к ступням, лёг, укрылся своей буркой.

– Да, кстати, всё забываю спросить, – донёсся до него голос пришельца. – Откуда ваше племя доставало камни, из которых сделаны ножи и наконечники?

Аюн снова сел, вздохнул, по-детски поковырялся в носу, вытащил козюльку, стряхнул её с пальца.

– Это наше самое главное ценность. Папа мне говорить, что раньше мы не знать чёрный камень. Охотники просто заострять концы стрел и копий о камни. Но однажды они спасти раненый чужак. Он показать чёрный камень на острие копья. Чужой потом стать Великий Вождь. Он вести первых наших человек в путешествие. Поход длинный-длинный, много зим, очень трудный и опасный. Каждое утро мужчины идти навстречу солнцу. Говорят, там нет леса, там голая земля подниматься высоко. Там очень-очень холодно и мало зверь. Там чёрный камень вылезает из земля. Охотники выбивать его, складывать в мешки и нести домой. С чёрным камнем наше племя стало сильней. Стало проще охота и защита от враг. Но чёрный камень хрупкий. Плохой вы-

стрел из лук или удар копьё ломать наконечник. Запасы камня кончатся. При смерти Великий Вождь наказывать нам, что каждый будущий вождь обязан держать испытание. То есть, идти в поход и принести его в селение. Вот почему Красноволосые нас убить. Им тоже нужно камень.

Дмитрий молчал и думал. Этот мальчишка с каждым днём становился для него всё роднее. Его неловкая речь, его манеры, характер, внешность вызывали настоящую привязанность. Аюн был похож на котёнка, который у него на глазах превращался во взрослого гепарда.

Эти размышления не давали ему покоя. Как поступить? Держать юношу в неведении и при удобном случае отпустить, или же стать для него учителем? Ляховскому нужен был друг, нужен был напарник, а этот парнишка как нельзя лучше подходил для этого. Наконец, Ляховский сделал выбор: завтра он начнёт учить юношу читать и писать.

Сквозь тяжёлые кроны деревьев показалась луна. Её свет преобразил лес, сделав его призрачным, сюрреалистическим. Серебристые отблески поползли вниз по ровным стволам, дробясь на множество капель, камушков и палочек. Где-то вдалеке раздался волчий вой. То ли от разочарования, то ли наоборот, от удачной охоты.

Наутро Аюн проснулся от непонятного жужжащего звука.

Словно рядом гудел жук-переросток, который никак не хотел улетать. Юноша открыл один глаз, повернул голову, смахнув рукой со лба надоедливые волосы.

Дмитрий водил по лицу похожей на камень штуковиной. Там, где сетчатая поверхность касалась щёк, отросшая щетина, словно по волшебству, исчезала. Звук ненадолго прекратился. Дмитрий заметил, что Аюн проснулся и с изумлением смотрит на него.

– Бреюсь, – с улыбкой сказал он и несколько раз провернул пальцами блестящую пластинку на спинке устройства. При этом раздалась трескотня. – Тебе это, похоже, не грозит.

Жужжание возобновилось с удвоенной силой. Это была суцая правда: у метиса, к тому же такого молодого, волосы на лице не росли совсем. Аюн потянулся и зевнул. Он уже начал привыкать к чудесам, которыми владел чужеземец.

Юный охотник уже давно определил, что частокол из сосен и елей становится всё реже. А это значит, что стоит попробовать поохотиться. Он подхватил своё примитивное оружие и испарился за деревьями.

По привычке бесшумно ступая, улавливая запахи и звуки, Аюн читал лес так, словно это была открытая книга. Всё здесь было для него привычно и знакомо. Вскоре его нос почуял многообещающий запах. Он заметил на земле жидкий помёт. Моментально его взор устремился вверх, а слух обострился до предела. Аюн уловил едва различимые щёлкающие звуки и замер. Вслед за щёлкающими раздались шипя-

щие, отчасти напоминающие скрип снега в стужу. Они длились совсем недолго, но за это время охотник махнул далеко вперёд. Скрипение прекратилось, охотник застыл, напряжённо разглядывая густые кроны. Раздалось щёлканье, потом опять скрипение. Во время скрипа Аюн снова поменял дислокацию и снова замер, пытаясь унять волнение. Его уши обнаружили как минимум два источника звука. Очередной скрип. Охотник спрятался за деревом, доставая из колчана стрелу.

На верхней ветке сидела большая птица с бурыми крыльями, чёрным хвостом и головой. Зоб её отливал зелёным блеском. Голая кожа над глазами была ярко-красной. Она опускала и поднимала хвост, задирала голову, перемещалась вперёд-назад по ветке. Птица защёлкала, нахохлившись так, что стала похожа на шар, закрипела. Аюн натянул тетиву, высунулся из-за укрытия, лоя этот шар стрелой. Деревяшка с примотанным остриём сорвалась с тетивы и точно поразила цель. Птица, раскинув крылья, свалилась с ветки в траву. Это был самец – одногодка с разбухшими семенниками.

Охотник вытащил счастливую стрелу, снова вложил её в лук, а саму птицу спрятал в сумку. Нужно было попробовать добыть хотя бы ещё один трофей. Снова он под скрипящие звуки подобрался к их источнику. Снова на выдохе выпустил стрелу и снова попал. Второй самец-одногодка, так и не успев в своей недолгой пернатой жизни обзавестись потомством, несколько раз перевернулся в воздухе и шлёп-

нулся на лесную подстилку.

Аюн был до невозможности горд собой. Ах, видел бы его сейчас отец! Он бы гордился своим сыном. Дважды попасть в сидящих на верхней ветке птиц среди бывалых охотников считалось верхом мастерства. Юноша подобрал добычу и, напевая что-то себе под нос, зашагал обратно. Дмитрий, к тому времени избавившийся от бороды, встретил юношу аплодисментами.

Аюн умело раздул угасшие было угли. Вдвоем они ошипали и освеживали несчастных самцов, проткнули их деревянными кольями и повесили над костром. Дурманящий запах жарящегося на открытом огне мяса заставил два здоровых мужских желудка рефлекторно сокращаться, а железы – обильно выделять слюну. Мяса оказалось много, они едва справились с одной тушкой. Вторую Аюн заботливо обернул сначала еловым лапником, а потом – широкими листьями лопуха. Таким образом, еда спокойно могла храниться в течение двух-трех дней.

– Запретный лес кончатся. Что там дальше?

– Дальше должно быть болото, причём огромное. И это плохо, так как утонуть там проще простого. Но, ничего не поделаешь, – другого пути нет, и нам придётся его пересечь. Ты когда-нибудь был на болоте?

– Был, когда был ребёнок. Женщины и дети собирать там ягода, а старейшины – лечебные травы.

– Понятно. Нам нужно приготовиться. Чаща, по сравне-

нию с болотом, нам покажется лёгкой прогулкой. По моим расчетам, мы подойдём к нему через пару-тройку дней. Добытое тобой мясо мы съедим ещё сегодня. А потому нам нужно бы позаботиться о провианте. Надеюсь, за оставшееся время нам что-нибудь попадётся. Жаль, что моим оружием можно только Красноволосых стрелять. Ну, ничего. Значит, буду загонщиком. Это такой способ охоты. Ты сидишь в засаде, а я гоню на тебя зверя.

– Я знать это! – обиделся Аюн. – Но нужно больше человек. Зверь может побежать не туда.

– Я понимаю, но попробовать всё-таки нужно. Мы не можем сидеть в засаде. Это слишком долго.

Путники засобирались в дорогу. Переход должен был быть лёгким, так как уже не было нужды пролезать между стволами деревьев и огибать препятствия. К тому же, земля едва заметно наклонилась.

Глава 3

Обширнейшее болото встретило их нескончаемым кваканьем земноводных, тучами комаров, запахом гнили и прохладой. До самой линии неба простиралось царство бурой воды, которое перемежалось с мощными наслоениями торфа и разнообразной растительностью. В бесчисленных количествах здесь произрастали осока, пушица и клюква, голубика и морошка, зелёные мхи и карликовые деревья. Другой мир, тысячелетиями существующий по своим законам. Опасный и загадочный, но, тем не менее, являющийся неотъемлемой частью маленького голубого шарика, который миллиарды лет скитается по Вселенной.

Аюн поспешно развёл костёр, в который набросал можжевельник, еловые и сосновые шишки. Тут же повалил густой сизый дым. Ляховский, к тому времени успевший прибить пару десятков летающих кровопийц, порядочно уставший и вспотевший, облегчённо вздохнул. Он немного прошёлся вдоль границы миров, рядом с лагерем обнаружил участок воды, свободный от тины и ряски. По своему виду он напоминал гигантскую кастрюлю с вертикальными стенками и глубоким дном. Карликовые сосенки здесь своими корнями сцементировали торфяные залежи, образовав вполне безопасный берег. Дмитрий смерил глубину длинной палкой, после чего скинул одежду и с наслаждением прыгнул в тём-

ную воду.

Он не ожидал того, что вода только сверху была тёплой, почти горячей. Уже на метровой глубине её температура резко падала. Дмитрий поспешно вынырнул, сделал вдох, издав при этом хриплый «звук наоборот».

Юному охотнику стало любопытно, чем же там занимается его спутник. Он отыскал голову Ляховского посередине почти круглой «тарелки» воды. Тот плавал разными стилями от берега к берегу, время от времени ныряя. Вскоре из воды, как поплавки, уже торчали две головы – одна светлая, а другая тёмная.

Дмитрий ненадолго выбрался на сушу, порылся в рюкзаке, из которого достал коричневый брусок. С торжеством подняв его над головой, мужчина снова плюхнулся в воду. Этим бруском, стоя по колено в воде, он принялся натирать себя, от чего по воде поплыла белая пена.

– Не бойся. Это мыло. Его делают из жира животных для того, чтобы быть чистым. Держи! – с этими словами Ляховский вылез из воды, отправился к огню, довольно напевая себе что-то под нос и прыгая на одной ноге, пытаясь выбить залившуюся в ухо воду.

Запах мыла понравился юноше. Следуя примеру Дмитрия, он намылился, с удивлением и радостью наблюдая за тем, как исчезает грязь и пот с тела. Как его кожа обновляется, избавляясь от старых слоёв. Как порядком запачкавшиеся волосы приобретают природный блестящий иссиня-чёр-

ный цвет.

Путники соорудили навес и приготовились к ночёвке. Аюн отлучился ненадолго за можжевельником, шишками и хворостом. Дмитрий углубился в изучение бумажных карт, которые со временем порядком истрепались, пожелтели и неприятно пахли. Его что-то явно не устраивало. Он посмотрел на медленно темнеющее небо. Ночь обещала быть звёздной.

Вскоре Аюн вернулся. Он с интересом посмотрел на бумагу и задал вопрос:

– Что это?

– Это карта, – ответил Ляховский. – Уменьшенное изображение земной поверхности. Смотри: здесь нарисованы леса, болота, реки, озёра. В общем, весь мир. Только я, похоже, сбился с пути и не могу определить, в каком месте мы находимся. Ну, ничего, ночью мы это поправим.

С этими словами он отогнул край рукава, взглянул на часы, что-то написал на бумаге палочкой с чёрным кончиком. Аюн уже знал, что такое бумага. Однажды, потрогав кусочек пальцами, он пришел к выводу о её схожести с осинными гнёздами.

Тем временем, армия лягушек уменьшила громкость своего концерта. Солнечный диск коснулся болота, кардинально изменив пейзаж и сделав его достойным пера лучших художников.

– Солнце уходит на запад. Но, чтобы снова родиться, спе-

шит на восток. На восток... – тихо пробормотал Ляховский в надежде, что Аюн его не услышит. Но тот, всё-таки, навострил уши, подбрасывая очередную порцию можжевельника и шишек в костёр.

Спустя час дневное светило исчезло за горизонтом. На ночном небе показались звёзды. Аюн украдкой наблюдал за тем, как Ляховский достал из отделения рюкзака небольшой предмет. Это были две соединённых друг с другом плоские дощечки – одна прямоугольная, а вторая полукруглая, разделённая на отрезки с символами. Это были числа – тридцать, шестьдесят девяносто, сто двадцать. В центре прямоугольника было проделано отверстие, в котором находилась нитка и какой-то груз.

Дмитрий перевернул предмет полукругом вниз и прицелился в звезду. Юноша даже узнал, в какую именно, так как его племя тоже пользовалось этим ориентиром. Ляховский прижал пальцем нитку и посмотрел на символ. На бумаге он что-то пометил. Вскоре на карте пришелец поставил точку и нахмурился.

– Плохо дело. Мы пришли не туда, куда нужно. В этом месте болото очень коварно. Но исправлять маршрут мы не можем – слишком много времени и сил уйдет на это. Ложись спать, друг мой. Завтра мы будем готовиться к переходу.

С этими словами Дмитрий забрался под навес, у входа в который горел костёр. Его едкий дым создавал надёжный заслон миллиардам комаров, которые, казалось, взяли путе-

шественников в плотную осаду и зло пищали своими крыльями. Лёгкий ветерок сносил его в сторону, не давая угарному газу попасть под навес.

Ночью внезапно разразилась гроза. Молнии, словно гигантские кнуты, принялись хлестать тучи, заставляя их выжимать всю влагу без остатка на одинокий шалаш. Ливень шумел хвоёй, плескался в болоте, безнадёжно пытаюсь потушить огонь и залить водой двух людей, привычных, в общем-то, к таким капризам природы. Только под утро, словно осознав тщетность своих усилий, небесные хляби свернулись и ушли в сторону тайги.

Дмитрий проснулся и растолкал попутчика. Юноша по привычке долго потягивался, зевал, тёр глаза. Два пустых желудка напомнили о своём существовании недовольным бурчанием. Ляховский снова открыл карту:

– Вот смотри. Неподалёку должна протекать речушка. Надеюсь, она будет неплохим препятствием для зверя. Давай-ка прогуляемся. Может, ещё что-нибудь найдём интересного.

Они дошли до нужного места, с удовлетворением нашли протекающую там речку. Но ещё приятней было то, что вдоль неё, метрах в десяти, было другое естественное препятствие – длинная моренная гряда с крутыми склонами.

Словом, почти идеальная ловушка. Осталось только загнать в неё добычу.

Охотники разделились. Аюн залез на дерево, которое росло аккурат посередине, причём в том месте, где склоны образованной когда-то давно ледником морены почти вплотную подходили к берегу реки. Ляховский отдал ему свою одежду, а сам, цепляясь за траву руками, залез на вершину холма и скрылся. Он сделал большой крюк в сторону, огибая небольшой участок леса, в котором вполне мог находиться какой-нибудь зверь. Дмитрий сломал палку, ударил ей по дереву и дико завопил:

– Хеееееееей!!! Оооооу!!! Аааааай!!!

Постепенно приближаясь к засаде, Ляховский дубасил ею по деревьям и орал что есть силы. Сидевший на дереве Аюн тихо хрюкнул, но быстро взял себя в руки. Вскоре он услышал топот копыт. Отогнув ветку, юноша разглядел далеко впереди несущегося на него во весь опор лося.

«Плохо дело. Он слишком большой. Стрелой я его не свалю» – мелькнула у него мысль. Охотник поспешно заложил лук за спину и взял в руки копьё. Лось стремительно приближался. Аюн приготовился к прыжку.

Красавец-самец уже почти вырвался на простор, как вдруг сверху на него спрыгнула тень. Примитивное оружие нанесло страшное ранение – сверху вниз, между рёбер, глубоко в туловище.

Копьё вырвало из рук юноши. Лось вспахал своими рога-

ми приличную дорожку и замер. Аюн издал громкий охотничий клич. Ещё бы: это был по-настоящему шикарный трофей. Ляховский, увидев результат, свистнул от удивления.

– Мастерский удар, – похвалил он юношу.

– Спасибо. Я старался, – улыбнулся охотник.

Мяса оказалось слишком много. Весь оставшийся день охотники его жарили, коптили, сушили, укладывали в мешки. Уже поздним вечером, при свете костра, Дмитрий изготовил две пары болотоступов. Для этого он срезал четыре сырых ветки, изогнул их эллипсом. Получившийся каркас он оплёл влажной корой и оставил сушиться до утра.

Эта ночь была тихой. Засыпая, Аюн решил спросить Ляховского, откуда он пришёл. Но тот лишь грустно улыбнулся и смолчал.

Утро встречало их тёплым солнцем, звоном насекомых и лягушачьим кваканьем. В этот раз Аюн проснулся раньше Ляховского. Он вдруг подумал, что давно не занимался Искусством. Стараясь не шуметь, он вышел из шалаша. Найдя подходящую площадку, юноша приступил к тренировке.

Он вёл «бой с тенью», воображаемым противником, сплетая удары и блоки в единый, сложный, захватывающий танец. Его руки и ноги мелькали, атакуя и защищаясь. Проснувшийся Дмитрий с изумлением увидел, как юноша

безупречно исполнил круговой удар ногой в прыжке, после чего замер, сложив ладони лодочкой у груди и выравнивая дыхание.

Почувствовав на себе взгляд, Аюн повёл стройными плечами, сделал глубокий вдох и выдох. Дмитрий что-то проворчал, тряхнул головой и принялся разогревать завтрак.

Лосятина была жестковатой, но съедобной. Поэтому пришлось резать её на мелкие кусочки. Ляховский, в какой-то момент, даже открыл набитый мясом рот, давая жевательным мышцам возможность отдохнуть.

Впереди была неизвестность. Путешественники срубили два длинных шеста. Дмитрий пошёл впереди, а Аюн старался идти за ним след-в-след. Поначалу их путь был простым, так как торфяные залежи здесь образовывали ногам надёжную опору. Правда, им приходилось много петлять, так как торф и открытая вода перемежались друг с другом крайне запутанно. Если бы у них не было опыта в ориентировании, то уже на старте путники могли бы заблудиться.

Так прошёл весь день. Вечером они отыскивали возвышенный, а, следовательно, надёжный и сухой пяточок, на котором росли хилые деревца. Без тени сожаления срубив их все, путешественники организовали приличную стоянку. Для того, чтобы торф не загорелся, они сделали подложку из переувлажнённой водной растительности, на которой и развели огонь. Аюн предусмотрительно захватил с собой веточки можжевельника, так что комарам опять ничего не светило.

Второй день мало чем отличался от первого. Путники также много петляли, но стали замечать, что по мере удаления от «суши», воды стало больше, а безопасного торфа – меньше. Так же, как и накануне, они отыскивали возвышенный сухой участок, который по своим размерам совсем немного уступал первому. Поскольку Аюн истратил весь запас можжевельника, пришлось довольствоваться шишками карликовых сосен.

На третий день продвижение вглубь болота замедлилось. Нашим героям пришлось пустить в ход шести для того, чтобы переходить вброд участки воды, пока ещё, слава Богу, неглубокие. Отдых им требовался всё чаще и чаще. К вечеру они уже с трудом отыскивали участок торфяных залежей, диаметром около двух метров и уже безо всякой растительности. Пришлось сушить одежду и обувь без огня, просто расстелив её на земле.

Ночью Ляховский проснулся от крика ужаса. Он почти рефлекторно согнулся и уставился на бледное, как у покойника, лицо Аюна. Бормоча свои молитвы, тот широко открытыми глазами смотрел на вспыхивающие то тут, то там и мчущиеся над поверхностью воды огоньки.

Зрелище и вправду было довольно жутким, но Дмитрий сбросил с себя оцепенение, схватил парнишку за плечи и с силой встряхнул.

– Успокойся! Успокойся, слышишь? – почти крикнул он на ухо юноше. Ничего страшного. Здесь такое бывает. Быва-

ет, говорю! Всего лишь явление природы. Ну ты же привычен к молнии и грому. Ты не раз с ними сталкивался. А это для тебя в диковинку. Для меня, правда, тоже. Да не смотри ты туда! Закрой глаза и спи. Эти всполохи абсолютно безвредны. Скоро всё прекратится.

Аюн с трудом сглотнул и закрыл лицо руками. Ляховский оказался прав: ночи летом короткие, всего через пару часов рассвело. Призрачные огни исчезли, будто их и не бывало. Уставшие путешественники сумели поспать ещё.

Утром пришлось завтракать холодным мясом. Оглядев окрестности, Ляховский с тревогой обнаружил первые признаки топей. Торфяные наслоения исчезли, уступив место крайне ненадёжному ковру, сотканному из водной растительности и мхов. Пока ещё зыбун был достаточно толстым, но было заметно, как от шагов он колыхался над водой.

Путники надели болотоступы. Из-за них походка путешественников сделалась неуклюжей, а скорость упала. Ляховскому приходилось без конца ощупывать своим шестом дорогу вперёд. Его юный друг откровенно трясся от страха, а однажды даже попросил Дмитрия повернуть назад. Ляховский только покачал головой. Он не хотел рисковать жизнью юноши, поэтому предложил ему вернуться назад той же дорогой. Вполне могло так случиться, что юноша смог бы отыскать похожий народ, ведущий тот же образ жизни. Однако Аюн зло стиснул зубы, пустил из глаз молнию, засопел и, шлёпая болотоступами, зашагал дальше.

К тому времени, когда солнце уже всю светило им в грудь, они оба дико устали. Как назло, подходящего места для отдыха и обеда они не нашли. А ситуация только продолжала ухудшаться. «Ковёр» понемногу истончался. Появились лужицы открытой воды, так называемые «окна», под которыми была бездна. Один неверный шаг, и она засосёт незадачливого человека в своё нутро.

Дмитрий бранился незнакомыми словами. Аюн старался не подавать виду, что ему, по-прежнему, очень страшно. Однажды юноша неосторожно сделал шаг в сторону и провалился по пояс. Пришелец мгновенно развернулся, схватил охотника за руки и резко выдернул из ловушки. Хорошо, что вместе с болотоступами. Если бы не они, люди давно уже мумифицировались в бездонной трясине.

Аюн окончательно вымотался. Он всё больше отставал от старшего товарища, еле волоча ноги с ненавистными деревяшками. И лишь громкий крик Ляховского вывел его из апатии:

– Чаруса! Меня засасывает! Помоги!

Дмитрий наступил на полянку травы, которая мгновенно ушла под воду. Ноги сковала неумолимая сила и медленно потянула вниз. Аюн было бросился на помощь, но ещё один крик его остановил:

– Не беги, ползи! Не торопись, шест держи впереди себя, подтягивайся на руках!

Ляховский положил шест, опёрся на него руками. Юноша

поспешно плюхнулся, широко расставил ноги. Следуя совету, он пополз к Дмитрию, которого засасывало всё глубже и глубже. Ляховский оставил попытки самостоятельно выбраться, так как вытаскивая одну ногу, вторая уходила в трясины. Он неумолимо исчезал в жуткой чёрной жиже. Сначала по пояс, потом – по грудь. Вот уже только голова и кисти рук виднелись наверху. Вот трясина подошла ко рту, к носу. Дмитрий сделал вдох. Неужели конец?

Спасительная палка упёрлась концом в раскрытую кисть. Рука схватила эту палку, отчаянно сжалась. Шест медленно потащило назад. Из ловушки показалась перемазанная грязью голова. Послышался тонкий звенящий крик.

Аюн, развернувшись спиной, вцепившись в шест зубами, как собака, тащил Ляховского из трясины. На пределе человеческих сил, крича от боли в мышцах, собрав всю волю в кулак и вгрызаясь в колышущийся грунт всеми четырьмя конечностями.

Раздалось недовольное чмоканье. Болото нехотя отпустило добычу, оставив себе на память два болотоступа. Путешественники в изнеможении перевернулись навзничь. Аюн, тяжело дыша, выплюнул палку, на которой отпечатались чуть ли не все тридцать два зуба.

В таком положении они решили остаться до утра. Идти без болотоступов было невозможно, да и силы были все потрачены. Аюн сумел только расстелить кожаную накидку. Дмитрий тоже распаковал свой водонепроницаемый плащ.

Путники спали, как убитые, неторопливо покачиваясь на зелёном ковре, как на водяном матрасе. Казалось, что даже комарё решил оставить их в покое. Природа тоже смиловалась. Ночь выдалась тихой, звёздной, безветренной. Ни единого намека на звук. Ничто не нарушало мёртвую тишину, кроме дыхания самих путешественников.

Утром они проснулись от жжения в мышцах. Каждое движение стало мучительным. Если Ляховский был к этому привычен, то юноша сильно страдал. Всё так же, лёжа, они позавтракали остатками мяса. О передвижении на ногах и речи быть не могло, поэтому нашим героям пришлось ползти. Они обогнули опасный участок и двинулись дальше, стараясь до полудня находиться спиной к встающему солнцу.

К тому времени, когда оно находилось максимально высоко, Аюн и Дмитрий успели отползти на приличное расстояние. Но, тем не менее, намёков на то, что они стали приближаться к противоположному «берегу» болота по-прежнему не было. Мокрые и грязные, путники упорно двигались вперёд, так как понимали, что назад дороги нет.

К вечеру опять появились участки открытой воды. Дмитрий опустил в один из них шест. К его удивлению, трясины не было. Только вода, по которой можно было плыть. Ляховский извлёк из кармана непонятный для юноши предмет,

который приставил к глазам. Каково же было его удивление и радость, когда уже в сумерках он разглядел впереди участок суши. Именно суши, а не подделки в виде ненавистой сплавнины.

Немного передохнув, уже в сумерках, путники бросились к ней вплавь. Достигнув берега, они растянулись на песке в эйфории, что всё позади, что наконец-то они в безопасности. И только утром поняли, как ошибались.

Они, действительно, находились на настоящей суше. Но было непонятно, откуда она могла взяться посередине болота. Дмитрий исследовал берега и пришёл к выводу, что они были очень крутыми. Сам остров, почти идеально круглой формы, состоял из песка, гравия и слоя почвы. Он возвышался над поверхностью воды на три-пять метров а его диаметр составлял не больше трёхсот метров. Здесь росли деревья, и даже протекал ручеек. Путники решили исследовать этот островок. Недалеко от его центра небольшая чёрная коробочка на плече Ляховского издала треск. Между бровей Дмитрия пролегла вертикальная складка.

По мере продвижения треск коробочки учащался. В центре острова они наткнулись на глубокую, идеально круглую дыру с отвесными стенками, которая была обрамлена белым камнем. Рядом с дырой находилась распахнутая крышка, которая когда-то её запечатывала. Треск коробочки стал очень тревожным. Дмитрий осторожно глянул вниз, после чего велел юноше отойти. Сам он осмотрел окрестности, но боль-

ше ничего подозрительного не обнаружил. Только странная дырка в земле и тяжёлая крышка.

Путники вернулись к берегу острова. Они решили остаться на нём для того, чтобы полностью восстановить силы и решить, что делать дальше. Оказалось, что преодолена только половина гигантского болота. Если бы не спасительный островок, непонятно откуда взявшийся, то их положение было бы безнадёжным. Но теперь наши герои знали, что ожидает их дальше. Препятствия должны были повториться с точностью до наоборот.

Для того, чтобы безопасно преодолеть водную часть пути, путешественники построили плот. Для этого они срубили несколько деревьев и связали их между собой гибким лыком. Также им пришлось соорудить два весла и новую пару болотоступов.

На следующий день Аюн и Дмитрий благополучно отчалили от загадочного островка. Не торопясь, они достигли границы воды и сплавины. Немного проплыв вдоль неё, путешественники обнаружили глубоко врезающийся «фьорд». Это открытие позволило им немного оттянуть опасный момент оставления «судна». Тем не менее, такой момент настал, и путники, с сожалением, бросили свой плот. Они изначально выбрали самый безопасный участок, отцепили лопасти у вёсел, превратив их в шесты, и осторожно легли на зыбун. Медленно отползая от края воды, Аюн и Дмитрий внимательно изучали ситуацию и старались не повторять про-

шлых ошибок.

К вечеру путники успели удалиться достаточно далеко. Как и в прошлый раз, они расстелили непромокаемые плащи.

– У тебя быть девушка? – неожиданно спросил Аюн, лёжа на спине и глядя на звёзды.

Дмитрий недовольно сморщился и перевернулся набок.

– А могу я не отвечать на этот вопрос?

– Ты всегда не отвечать на вопросы! Ты же обещаешь говорить! – Аюн тоже перевернулся набок. Теперь они лежали спинами друг к другу. – Ну, ответь, ты любишь когда-нибудь?

– Когда-то давно – да. А сейчас я уже стар для такого, – буркнул Ляховский. – Когда далеко за тридцать, уже нет таких высоких чувств.

– Почему? Мужчина в любой возраст жених. Это женщина старая некрасивая.

– Я про внутренний мир говорю, а не про статус в глазах женщин.

– Не понимать.

– Повзрослеешь – поймёшь. Разум тридцатипятилетнего мужика совсем другой, нежели у юнца. В нём рассудок преобладает над эмоциями. Если бы можно было повернуть время назад, то я бы многое в жизни изменил. Не допустил бы великого множества ошибок. Но, увы, мне это не под силу.

– Но ведь это жизнь...

– Неважно, как это называется, – перебил его Ляховский.

Аюн вздохнул. Этот человек был явно не тем, с кем можно было бы поговорить по душам. А ему так хотелось выговориться, получить совет. Ведь он только начинал жить.

– Ты знаешь, у мой народ есть сказание, – после некоторого молчания сказал Аюн, снова перевернувшись на спину. – Однажды старейшина собрать вокруг себя ученики. Перед ним был бубен, который он заполнять камни. Потом он спросить ученики: полон ли бубен?

– Да знаю я эту притчу! – опять перебил его чужеземец. – Правда, несколько в ином варианте. Да, тут ты прав. Самое важное в жизни – это семья, дети, друзья и здоровье. А всё остальное – это просто песок. Но у меня есть цель, важней которой нет ничего. Можешь её называть огромным булыжником, который сразу заполнил банку... то есть, бубен, и не оставил места даже камням. И давай закончим этот бесполезный разговор.

– Хорошо. Ты только отвечай, какая она должна быть, твоя женщина?

Пришелец немного помолчал, а потом вдруг ответил:

– Не знаю. Наверно, такой, как Йеннифэр.

– А кто это... Йеннифэр?

– Это... – Ляховский мечтательно вздохнул, – Это буря чёрных волос, фиалковые глаза. Запах сирени и крыжовника.

Больше Дмитрий не сказал ни слова. Аюн обиделся, засопел носом, что-то прошептал на своём языке. Он посмот-

рел на безлунное небо, с которого падал рассеянный звёздный свет. Где-то там, далеко-далеко, зажглись новые звёзды. Юноша не сомневался: это души его родных. Они будут вести его по жизни, оберегая и защищая.

Весь следующий день путники провели лёжа. По мере удаления от центра болота ковёр из спутавшихся водных растений понемногу утолщался. Ближе к вечеру Аюн решился, надел болотоступы, осторожно выпрямился в полный рост. Опора под ногами выдержала. Юноша аккуратно попрыгал – тот же успешный результат. Похоже, что самая опасная часть пути была позади. Но нужно было приложить ещё немало усилий для того, чтобы выбраться на землю.

Через пару дней Аюн радостно заметил торфяные наслоения. На одном из таких участков путники решили переночевать. Еще через несколько дней наши герои увидели на горизонте верхушки деревьев. Осталось потерпеть совсем немного.

Глава 4

Уставшие, грязные и голодные путешественники, наконец-то, выбрались на землю. Для обоих это был очень радостный, волнующий момент. На границе двух экосистем путники облюбовали живописное местечко.

Высокая морена неправильной формы возвышалась над остальной низиной. У её подножия протекала извилистая речушка. Сама она почти сплошь поросла сосняком. Лишь её скруглённая вершина, как тонзура на голове у католического священника, оставалась свободной от деревьев.

Аюну это показалось странным. Он немного прогулялся по окрестностям и наткнулся на странный ящик. Юноша попробовал его приподнять, но не смог. Обойдя его кругом, он нашёл отверстие, образовавшуюся, видимо, от времени. Заглянув внутрь одним глазом, охотник обнаружил ещё несколько коробочек, размерами поменьше. От ящика отходило нечто чёрное, гибкое, похожее на змею и терялось в земле.

Аюн позвал Ляховского. Дмитрий взглянул на коробку, нахмурился, но опять ничего не сказал. Силач ухватил руками «змею», дёрнул. Аюн увидел, что она невероятной длины.

– Уж не ведет ли она туда, на болото? – пробормотал, наконец, чужеземец. – Чёрт, вполне похоже на то! Аюн, ухо-

дим. Тут для нас нет ничего полезного. Надо разбить лагерь.

– Я вспомнить! Старейшины рассказывать, что в поход за чёрный камень они видеть это. Это находится всегда на холм.

Дмитрий прищурил глаза. Все это было довольно странно и пока непонятно. Но он надеялся, что когда-нибудь найдёт ответы. Сейчас его больше занимал пустой желудок и такая же пустая фляга. И то и другое нужно было как можно скорее заполнить.

Наши друзья постарались на славу. Они в короткий срок построили просторный шалаш, сходили за хворостом. Аюн, было, потянулся за своими палочками для разведения костра, но Дмитрий его остановил. Ему тяжело было наблюдать за тем, как юноша раз за разом потеет, добывая огонь трением. Хотя Дмитрий понимал, что для Аюна это привычное дело.

Ляховский достал жёлтый, похожий на окатыш, предмет. Открыл крышечку, под которой юноша увидел малюсенькое колёсико и вертикальную полукруглую стенку с отверстиями. Аюн ощутил сильный непонятный запах. Дмитрий резко крутанул колёсико большим пальцем. Тут же повалил сноп искр, внутри стенки с дырочками затанцевало оранжевое пламя. Ляховский разжёл огонь, и только после этого случайно столкнулся с глазами юноши. Тот был готов бухнуться на колени, словно наяву увидел Бога. Дмитрий с улыбкой протянул камешек:

– Всего лишь изобретение, такое же, как твой лук. Только чуть-чуть мудрёнее. Храни его бережно. Пользуйся только в самом крайнем случае.

У Аюна даже задрожали руки, когда он ощутил тяжесть подарка. Юноша очень осторожно открыл крышечку, повернул колёсико. Маленькое пламя тут же вспыхнуло. Лицо юноши озарила широкая улыбка. Он закрыл крышечку, а сам предмет надёжно спрятал, рассчитывая, когда-нибудь, сшить для него чехольчик и повесить на шею.

Дмитрий достал карты, стал изучать страницы. Аюн заложил за спину лук со стрелами, отправился на разведку. Скорым шагом он спустился с холма, обогнул небольшой, но глубокий овраг, а затем углубился в лес.

Что-то неуловимо непонятное витало в воздухе. Вроде бы те же деревья и та же трава. Тот же воздух и та же вода. Но юноша всем своим существом ощущал: что-то было не так. Что-то необратимо изменилось.

Несмотря на всё усердие, он не смог найти ни единого признака зверя. Ни одного следа на влажной почве, ни одной шерстинки на стволах деревьев, ни одного звука в неподвижном воздухе и ни единого намёка на запах. Природа как будто находилась в анабиозе.

От неприятного ощущения волосы на затылке нашего героя встали дыбом. Перенапрягая все свои органы чувств Аюн пытался найти животную жизнь в этом чужом и одновременно до боли знакомом мире, но его старания были

напрасны. В отчаянии он повернул назад. В лагере юноша рассказал о своих наблюдениях Ляховскому. Дмитрий тоже был озадачен. Он приложил указательный палец к оттопыренным губам. Этим же пальцем он потёр нос, отвёл взгляд в сторону. Его глаза на минуту сделались стеклянными, Ляховский снова открыл карту. Сделав пометку, чужеземец спрятал пожелтевшие от времени листы в свой рюкзак.

– Не понимаю, что происходит. Видимо, звери и вправду покинули здешние места. Недалеко отсюда должна находиться река. Завтра попробуем порыбачить. Сегодня уже нет смысла туда идти. Придётся опять спать на пустой желудок.

Утром наших друзей разбудил голод. Он ворочался внутри, чем-то недовольно булькал, давил на нервы. Путешественники почувствовали, что их силы начинают иссякать. Нужно было срочно добыть себе еду. Аюн, чтобы хоть немного его заглушить, принялся сбивать с кедров шишки и выковыривать из них семена.

По дороге им встретился очередной кедр. Что-то в нём было не так. Слишком маленький, но уже с огромными шишками. И его хвоя... Слишком зелёная. Подозрительно ядовито зелёная. Ни единого вредителя. Идеально здоровая. Мальчишка ободрал с деревца все шишки, сложил в сумку. Из одной вытащил горсть семян, очистил от скорлупы, раз-

жевал и проглотил.

Через полчаса его вырвало, открылся жуткий понос. Парня лихорадочно затрясло, по лбу и шее полились струйки пота. Дмитрий не на шутку испугался.

Ляховский с усилием просунул ему палку между зубов, влил огромную порцию воды, положил животом себе на колени, надавил на поясницу. После приступа Дмитрий трясущимися руками извлёк из кармана баночку, открыл её, высыпал на ладонь чёрные круглые камешки, запрокинул отравившемуся голову и крикнул:

– Глотай, быстро!

Аюн сумел проглотить лекарство и запить водой. Ляховский прислонил юношу спиной к дереву, выбросил из его сумки все шишки.

– Твою мать, твою мать. Не может быть. Этого не может быть! – поражённо шептал он.

Ляховский немного прошёлся по окрестностям. С изумлением он наблюдал, как старая природа стремительно вытеснялась новой. Вот ещё один такой же кедр, вот их уже кучка. Вот растут вроде бы те же кустарники: раkitник, калина, но цвет листы другой. Ляховский углубился в заросли дерезняка и застыл как вкопанный. У его ног лежали полуистлевшие кости косули. Это была самка с так и не родившимся детёнышем. А кругом россыпи поганок и мухоморов.

Дмитрий повернул назад. Юноша, почувствовав облегчение, сидел неподвижно, закрыв глаза. Дмитрий положил ру-

ку ему на лоб, затем открыл глаз, всмотрелся в зрачок, сжал запястье. Результаты осмотра чужеземца удовлетворили. Через полчаса Аюн уже смог встать на ноги. Юношу ещё пошатывало, поэтому Ляховский его придерживал за локоть.

Друзья продолжили свой путь. Аюн смотрел на этот мир и не узнавал его. Лесной житель чувствовал себя в нём чужим. Это ощущение давило ему на психику, угнетало волю и ум. Дмитрию даже пришлось встряхнуть нашего героя за плечи, чтобы отвлечь и взбодрить. Хотя у него самого настроение было не самое радостное.

Солнце нещадно жарило путешественников, что тоже было удивительно. Ведь лето, по всем законам природы, закончилось несколько недель назад. Только ближе к вечеру облака ненадолго спрятали солнечный диск, и удушливая жара стала спадать. В разгоряченные спины задул лёгкий ветерок.

Лес расступился. Взорам наших друзей во всей своей красе предстала река. Широкая, прямая, как стрела, на этом участке, она несла свои прозрачные воды стремительно и почти бесшумно. Плёс, на который они вышли, был усыпан мелким песком, валунами и галькой. Вода плескалась между камнями, ослепляла бликами.

На другом берегу на огромном валуне неподвижно стоял коренастый зверь. Аюн распознал в нём кабана. Животное, не отрываясь, смотрело в воду, подняв правую переднюю ногу. Юноша разглядел узкое, чрезмерно удлинённое и заострённое копыто. Вдруг зверь молниеносно ударил им

в воду и ловко загарпунил рыбину. Кабан подхватил добычу пастью, тревожно осмотрелся кругом, увидел путешественников и припустил в лес. При этом «гарпун» непостижимым образом сложился и нисколько не мешал ему бежать.

Юноша забрался на ближайший камень, поднял копьё, застыл в ожидании, когда какая-нибудь зазевавшаяся рыбка подплывёт поближе. Пару раз добыча, действительно, подплывала близко к камню. Но юноша никак не мог по ней попасть, так как вода преломляет свет.

Вскоре ему это надоело. Аюн, разминая одеревеневшие от неподвижного стояния ноги, слез с камня. И застал Дмитрия за рукоделием. Ляховский к тому времени успел смастерить мышку из деревянной основы и меха. Аюн с горечью вертел в руках свою бурку, у которой Дмитрий отрезал порядочный кусок. Катушку изготовить было невозможно, поэтому удилище ему было не нужно.

Оставалось придумать, из чего сделать леску и крючок. Ляховский пересмотрел всё своё снаряжение, но ничего подходящего не нашёл. Тут ему в голову пришла идея. Неподалеку Дмитрий приметил кости косули. Её извилистые крепкие рога как нельзя лучше подходили для этого. Ножом он вырезал три крючка, которые связал между собой. Получился тройник.

Отличная леска могла бы выйти из сплетённых между собой человеческих волос, но Аюн взбеленился и наставил на Ляховского копьё. Пришлось уступить. Дмитрий забрал

у юноши его мешок, расстелил на земле. Аккуратно, по спирали, разрезал кожу на тесёмку. Получилось метров семь лески. Очень мало для вываживания. Пришлось изрезать бурку юноши, так как плащ самого Ляховского был слишком тонким и непрочным. В итоге, длина рыболовной снасти составила около пятнадцати метров.

Дмитрий снял с себя носки, наполнил их песком и привязал к леске. Несколько раз поводил грузом в воздухе и в воде, проверяя на прочность. Для того, чтобы рыба не перекусила кожу, Дмитрий приспособил часть трубчатой кости.

Ляховский свернул снасть кольцами, подобно ковбойскому лассо, подошёл к берегу, раскрутил над головой мышь и бросил. Приманка плюхнулась в воду, всплыла. Медленно Дмитрий потянул её назад, складывая леску всё также, кольцами. Аюн с интересом наблюдал за происходящим. Вскоре мышь была в руках у Ляховского. Дмитрий сделал новый заброс, только уже в другую сторону.

Вот так, неторопливо передвигаясь, пришелец обваживал плёс, а Аюн следовал за ним по пятам. Приманка равномерно приближалась к берегу, покачиваясь на короткой частой волне. Медленно заходящее солнце бликовало на прозрачных гребнях, слепило глаза. Эта картинка умиротворяла, усыпляла. Аюн заклевал носом, да и сам Дмитрий уже не так пристально всматривался, не был готов мгновенно реагировать.

Оба не заметили, как бесшумно, без всплесков, над во-

дой показалась внушительных размеров пасть с острыми, загнутыми внутрь зубками, которая схватила мышку и нырнула. Полоску кожи натянуло, повело вниз и в сторону. Если бы наши рыболовы ещё чуть-чуть помедлили, то хищник выплюнул бы подделку. Но Дмитрий очнулся, подсёк. В ответ последовал рывок, да такой, что рыболов едва не упал. А леска уже всю рвалась из его рук, скользила по коже, обжигая её.

– Аюн, помоги! – крикнул Ляховский, борясь с рыбой.

Юноша уцепился за леску. В этот момент хищник сделал «свечку», показав серое, похожее на торпеду тело с тёмными крапинками и полулунными пятнами. Рыба попыталась уйти на глубину. Полоска кожи снова натянулась, как струна. Ляховскому пришлось немного отпустить, чтобы она не порвалась. Хищник сделал вторую «свечку», мотая сплюснутой широколобой головой в попытке избавиться от крючков, ударился об воду, взметнув каскад брызг. В руках Дмитрия остался конец самодельной снасти. Аюн, зажав нож зубами, молча прыгнул в холодную воду.

Леска, как взбесившаяся, прыгала в руках Ляховского. Он уже сам стоял по пояс в воде, как вдруг натяжение исчезло. В стремнине реки показалось красное пятно, которое тут же стало сносить течением. Рядом с пятном всплыла чёрная голова, последовал шумный вдох. Аюн торопливо, одной рукой, убрал налипшие на лоб волосы, перевернулся на спину, поплыл к берегу, гребя одними ногами. Руками он держал

добычу за жаберные крышки.

У берега Дмитрий подхватил трофей. Рыболовы ахнули: рыба была размером с юношу. Это был стремительный и грозный хищник. Но сегодня ему не повезло: сегодня он сам станет едой.

Солнце, наконец, закатилось за горизонт. В траве застрекотали кузнечики. Времени на постройку навеса не оставалось, поэтому путешественники решили заночевать под открытым небом. Они насобирали хвороста, развели огонь. Выпотрошили рыбу, нарезали её большими порционными кусками. Над рекой поплыл плотный сизый дым, наполненный запахом жарящегося рыбьего мяса.

– Эх, ухи бы сейчас приготовить, – размечтался Ляховский. – Жаль, котелка нет.

– А что такое «уха»?

– О, парень, ты не знаешь, что такое уха? Тогда ты многое в жизни потерял.

Дмитрий лёг на спину, засунул в рот соломинку, руки заложил за голову, посмотрел вверх на зажигающиеся где-то высоко белые точки.

– Уха – это такое старинное и очень вкусное блюдо. Его готовят так: берут котелок, наливают туда воду, солят, доводят до кипения на костре. Кладут туда рыбку, некоторое время её варят. Потом добавляют морковь, лучок, картошечку... Ну, это такие овощи. Ты ел когда-нибудь свежие овощи? Нет? Я тоже. Впрочем, неважно. Потом добавляют спе-

ции – чёрный перчик, лаврушечку. Время от времени снимают пенку. А самое главное – никогда не накрывают крышкой! Эх, котелок бы нам всё равно не помог. Кроме рыбы и соли у нас ничего нет.

Дмитрий иногда водил рукой над воображаемым варевом, имитируя процесс приготовления, глотал слюнки, вздыхал. Словом, был совсем на себя не похож. Аюн уже по привычке крутил прутики с мясом, вслушивался в речь собеседника, переполненную незнакомыми словами. А дым плыл всё дальше по неровному водяному зеркалу, обнимал деревья, терялся за излучиной реки.

Ах, если бы наши герои знали, что этот запах привлечёт смертельно опасную силу... Но случилось то, что должно было случиться. Уже поздно ночью на огромном расстоянии ноздри хищника уловили ничтожную частичку, всего лишь несколько молекул аромата. Немедленно прозвучал сигнал сбора на охоту. Ещё два голодных молодых зверя пробудились ото сна и помчались рысью в сторону ночлега.

Они бежали вместе, бок о бок, напряжённо нюхая воздух. Ниточка запаха вела их в верном направлении, словно это была автострада с дорожными знаками и разметкой. «Ниточка» постепенно утолщалась, превращалась в «бечевку», потом в «канат». На рассвете три мускулистых тела выскочили из-за поворота реки на плёс и остановились на мгновение. Три пары глубоко посаженных глаз искали добычу. И нашли догоревший костёр, а также двух людей, которые крепко спа-

ли рядом с ним. Прозвучала короткая команда в атаку. Длинные лапы пришли в движение, закрипела галька и песок. До цели оставалось не более километра.

Юноше снилась деревня. Снилась юрта, отец, сестра. Мама... Они о чём-то весело болтают. Отец подбрасывает маленькую сестрёнку в воздух и ловит её. Та верещит от радости. Соплеменники заняты своими делами. Кто-то затачивает лезвие ножа, кто-то разделывает оленя, кто-то дубит шкуры. Слышатся разговоры, смех, стуки первобытных инструментов. Мама расчёсывает мальчику волосы, спрашивает о том, как прошёл день. Тот отвечает невпопад, нежась в ласковых маминых руках. И внезапно мама, повернув его лицом к себе, положив руки на плечи, наклонившись и посмотрев ему прямо в глаза говорит:

– Сыночек, почему ты так плохо говоришь? Мне стыдно за тебя! Ведь я же тебя учила! Вспоминай и скорее просыпайся!

Сон размазался, словно акварельные краски в воде, сквозь пелену стали пробиваться слабые звуки. Звуки усиливались, превращаясь в раздражающие, тревожные. Как будто песок и галька тёрлись друг о друга.

«Стоп! Нет никакой деревни! Она же разграблена и сожжена. Все мои родные убиты. А матери так вообще давно нет в живых. А я сейчас сплю на берегу реки, на камнях. И кто-то очень быстро приближается. Если сейчас я не проснусь, то нас убьют. Мы беззащитны!»

Аюн вырвал себя из сладких объятий Морфея, повернулся на звук. Прямо на него бежали три молодых хищника, внешне очень похожие на медведей. От последних их отличало стройное, без единого грамма жира тело с удлинёнными лапами и стопами, лёгкая голова с развитой черепной коробкой, такая же лёгкая шерсть, под которой перекачивались узлы мускулов.

Звери сменили размеренную рысь на стремительный карьер. Юноша растолкал Дмитрия, указал пальцем на быстро приближающиеся фигуры. Ляховский сильно вздрогнул. Он поднялся, подхватил свой рюкзак. Аюн тоже подобрал свой скарб, повернулся было к остаткам рыбы, которые они так и не успели заготовить впрок, но Дмитрий схватил его за шиворот и подтолкнул к берегу:

– Быстро в воду! Рыбу оставь. Надеюсь, она их хоть немного задержит.

Путешественники бросились в реку. И, нужно сказать, вовремя: хищники едва их не настигли. Один из зверей, отличающийся от других заметно большими размерами, чрезмерно длинными клыками, последовал за ними. Остальные затормозили и принялись жадно поглощать добытый накануне людьми трофей. Вожак обернулся, призывно заревел. Его сородичи даже ухом не повели. Крупный зверь поплыл назад, выскочил на берег, энергично встряхнулся и, от души надавав люлей своим подчинённым, принялся рвать зубами рыбину.

Путешественники выбрались на противоположный берег. Дмитрий с тревогой обернулся:

– Еда их задержит ненадолго. Нужно бежать. Надеюсь, у нас получится сбить их со следа.

– Нужно драться! – выпалил Аюн, задыхаясь от быстрого заплыва. – Твоё оружие разве не сможет с ними справиться?

– Нет! Оно может ранить, разозлить, но не убить. Они слишком большие! Ещё можно справиться с одним, но их трое, силы не равны. Так что бежим, мой друг, бежим быстро!

И они побежали. Аюн пытался сбить преследователей со следа, петлял, как заяц. Даже ненадолго остановился и намазал подошвы едко пахнувшей смолой, выделившейся из сломанного ветром ствола молодой сосны.

По дороге им попался ручей. Некоторое время они шли вдоль течения по колено в воде. Это выматывало, поэтому беглецы были вынуждены выйти на берег. Бег сквозь недружелюбный лес продолжился.

Юноше было проще, телосложение позволяло ему дольше не уставать. Да и скарб у него был не такой тяжёлый. А вот Дмитрию пришлось намного хуже. Длинный рюкзак бил его по пояснице, ветки стегали по плечам, тяжёлые ботинки запутывались в подлеске. Он начал сдавать.

Аюн первый с ужасом услышал шум погони. Звери, сожрав рыбину, почти нагнали беглецов. Вскоре Ляховский сам услышал хриплое дыхание за спиной. Дмитрий обернул-

ся, увидел хищников совсем рядом. Внезапно он запнулся и упал. Аюн тут же развернулся к нему.

– Беги, не останавливайся! – крикнул Ляховский. – Спасай свою жизнь! Я справлюсь!

Аюн помчался дальше. Один из хищников запрыгнул сверху на Ляховского, всадил зубы и когти в рюкзак. Остальные, к удивлению, продолжили погоню. Дмитрий освободился от лямок, перевернулся на спину, попробовал достать пистолет. Зверь выпустил рюкзак, навалился на человека сверху, по-медвежьи облапал, подмял под себя, глубоко расцарапал когтями плечи, потянулся клыками к горлу.

Дмитрий подставил левое предплечье под нижнюю челюсть животного, не давая зубам сомкнуться на своей шее. Некоторое время они боролись, горячая слюна капала на лицо Ляховского, тварь обдавала его зловонным дыханием. Улучив момент, пришелец нащупал правой рукой булыжник и несколько раз ударил хищника в висок. Зверь заревел, замотал башкой, отодвинулся назад. Ляховский извернулся, быстро вынырнул сбоку, уже сам навалился сверху, обхватил ногами живот хищника, руки запустил подмышки и сцепил на холке в замок.

Медленно, но неумолимо Дмитрий пригибал голову животного к туловищу. Шары бицепсов вздыбились от напряжения, на лбу проступили бисеринки пота. Зверь сопротивлялся нажиму, но сила Ляховского побеждала. Хищник тоскливо взвыл. Из-за деревьев послышался ответ. Дмит-

рий удвоил усилия, закричал сквозь зубы, понимая, что нужно как можно быстрее закончить поединок. Послышался треск ломаемой шеи. Голова животного неестественно повисла вдоль туловища, и в этот момент показался вожак. Он бросил погоню за Аюном и вернулся на помощь, но опоздал. Хищник замер на мгновение, круто развернулся, побежал назад.

Аюн нёсся по лесу, перепрыгивая торчащие из земли коряги. Два зверя неумолимо догоняли его. Он лихорадочно думал, пытаясь найти выход из ситуации. Его взгляд зацепился за длинную толстую сосновую ветку, растущую практически горизонтально в паре с лишним метров от земли. Круто сменив направление, юноша подбежал к дереву, отбросил копьё, с силой оттолкнулся, ухватился за ветку. Инерция понесла его тело дальше вперёд. Аюн быстро согнулся, прижал стопы к перекладине. Тело резко качнуло назад, и юноша оказался на выпрямленных руках над ней. Хищники прыгнули следом, зубы щёлкнули в опасной близости. Но парень уже был вне досягаемости, стоя на ветке под беснующимися животными.

В этот момент послышался вой их собрата, который остался позади. Крупный вожак ответил на призыв и рванул обратно. Это воодушевило юношу. Нужно было попробовать справиться с оставшимся в одиночестве под деревом хищником.

Аюн потянул из-за плеча лук и принялся быстро нащипи-

говывать зверя стрелами. Деревянные палочки проникали в шкуру неглубоко, но это не имело значения. Вскоре запас стрел иссяк. Все они торчали из спины, подобно ежиным иглам. С шерсти потекли многочисленные ручейки крови. Зверь ослаб и закачался. В отчаянии он попытался уйти.

Юноша спрыгнул, подхватил копьё, подошёл, несколько раз глубоко вонзил оружие в бок хищника. После последнего, особо сильного удара, наконечник копья сломался, а животное заскребло длинными когтями по земле и затихло. Из-за деревьев снова показался вожак. Аюн обернулся с древком в руках. Хищник, увидев мёртвого собрата, опять на мгновение замер, а затем удрал, позорно прижимая к заду короткий хвост с белым пятном.

Схватка была выиграна. Юноша хотел было бежать на помощь, но заметил знакомую широкоплечую фигуру и выбросил ставшую бесполезной палку. Дмитрий подошёл, пнул труп ногой, зло плюнул.

– Ты его на бегу что ли расстрелял?

– Нет. Вон оттуда, с нижней ветки! – Аюн указал рукой на убежище. – На бегу я не умею. У меня глаз на затылке нету. И руки за спину не заводятся.

– А жаль. Какое было бы преимущество! Ты бы не мог его как-нибудь поаккуратнее расстреливать? Шкура ни к черту. А то ведь скоро придут холода. Смотри, что эта тварь сделала с моими шмотками? Ладно, шучу я. Ты – молодец. Пойдём, снимем шкуру с моего трофея.

Они вернулись. Мёртвый зверь лежал в том же самом месте.

– А ты своего как? – спросил Аюн

– Да проще пареной репы! Ну, это поговорка такая. Я ему шею сломал. Хочешь, на тебе покажу?

– Нет, спасибо.

– Я смотрю, ты и говорить стал намного лучше. Интересно, если бы не эти товарищи, ты бы так и коверкал слова в стиле «моя твоя не понимай»?

Наши друзья храбрились, шутили друг над другом. Но было заметно, как дрожат голоса и руки. Потом наступила разрядка. Путешественники почувствовали усталость и боль. И, хотя день был в самом разгаре, они решили сегодня больше никуда не идти.

После короткого отдыха Дмитрий отправился за хворостом. Он с трудом нашёл несколько опавших веток, которых явно не хватало на всю ночь. Пришлось рубить живые деревья.

Аюн весьма профессионально и быстро снял шкуру, повесил её сушиться. Во время этого занятия он ощутил нечто непонятное, постепенно набирающее силу. Вибрация шла от оставшегося после рубки пня. Словно по цепочке она передавалась от дерева к дереву, резонируя, отскакивая от кроны к кроне. Неизвестная реакция распространилась на весь лес, но затем всё прекратилось.

Необычайно смолистые дрова, нарубленные Дмитрием,

зажглись мгновенно. Буквально пара-тройка поленьев давали такой жар, словно рядом полыхала кузня. Дрова горели очень долго, почти без дыма, без привычного потрескивания.

В ответ на огонь лес снова ожил. Снова, как от одного телеграфного столба к другому, распространились непонятные импульсы. Ляховский их не ощущал, а юноша пока не спешил об этом рассказывать.

Шкуру следовало выдубить. Аюн побродил вокруг лагеря, насобирал знакомых трав, которые ещё встречались ему, отрезал от ствола дерева порядочный кусок коры, кожей ощущая, как на месте повреждения набирала силу, а затем исчезала неизвестная энергия. Вернувшись, он истолок кору, корешки и стебли в порошок, добавил соли, всыпал эту смесь в бурдюк с водой. Активно потряс, вылил на шкуру, принялся с силой втирать, мять руками и ногами. Это занятие было утомительным, но другого способа дубления его племя не знало. После всех процедур шкура стала мягкой, слегка изменила цвет.

Дмитрий обжарил куски тёмного, почти коричневого мяса. Было странно, что совсем не было жира, которого у обычных медведей к осени под шкурой накапливается очень много. Что наводило на невеселые размышления об образе жизни этих животных зимой.

Вечером земля стала быстро остывать. Часть мяса путешественники успели приготовить впрок ещё вечером, плани-

руя на следующее утро закончить начатое. Дмитрий подоброе-сил полено в костер. Оно тут же вспыхнуло, будто облитое горючей смесью. При помощи костяной иглы и животных жил юноша скроил неказистый с виду, но тёплый жилет. Ляховский тоже отремонтировал свою одежду. За всю ночь они всего пару раз кормили огонь удивительными дровами.

Сквозь сон Аюн различил невнятный, едва различимый шорох, доносившийся откуда-то снизу из-под земли там, где лежал наполовину разделанный трофей. Ему стало любопытно. Он встал, подошёл к убитому существу. Шорох тут же прекратился. Юноша присел на корточки, прислушался, осмотрел трофей со всех сторон, но ничего не нашёл. Стоило ему лечь, как шорох раздался снова. Аюн решил не обращать внимания, накрылся шкурой и уснул.

Когда рассвело, юноша подошёл к телу и с изумлением обнаружил, что его начисто обглодали. Он приподнял череп, под которым в земле была маленькая глубокая дырка. Присмотревшись внимательнее, он нашёл ещё пяток таких же отверстий. Юноша бросил костяшку, в ответ услышал писк и удаляющийся стук маленьких коготков. Можно было не сомневаться, что второго хищника постигла та же участь.

Внезапно задул холодный, сильный, пронизывающий до костей северный ветер. Природу в один миг словно перевернули с ног на голову. Небо заволокло серыми тряпками стремительно мчащихся на юг облаков. Воздух стал разрываться и выть в кронах. Стволы принялись раскачиваться

в разные стороны, а импульсы мячиками скакать между ними.

Ещё вчера здесь было лето, а сегодня на эту землю врывалась зима. Никакого намёка на осень не было. Путники не могли вымолвить ни слова. Как громом поражённые, они наблюдали эту метаморфозу, грандиозную картину смены времён года, разворачивающуюся вокруг них.

Через несколько часов ветер стих, небо прояснилось, а температура резко упала. Стало так тихо, что, казалось, было слышно, как наперебой стучат сердца. Тишина прервалась мягкими звуками опадающей хвои. Зелёные пластинки непрерывно сыпались сверху, застилая землю сплошным колючим покрывалом. «Хвоепад» продолжался до тех пор, пока деревья не очистились полностью. Пейзаж снова поменялся до неузнаваемости. Сосны и пихты, кедры и ели стояли абсолютно голые, если не считать мужских и женских шишек. Их кора стала монолитной и, подобно танковой броне, приобрела свойство невероятной прочности. Ляховский попробовал раскачать одно из деревьев, но у него ничего не получилось: оно стояло как вкопанное, словно застывшая лава, словно остывшее стекло.

Под ногами что-то зашевелилось. На поверхность в невероятных количествах выползли то ли гусеницы, то ли черви, то ли слизни. Они принялись поедать опавшую хвою, оставляя после себя длинные тягучие следы. Шебуршащий и непрерывно шевелящийся ковёр вызвал у людей чувство

омерзения. Они отступили на небольшую прогалину, по-прежнему наблюдая за спектаклем.

Развязку долго ждать не пришлось. Небо снова потемнело, но не от туч. Вернее, то, что летало по небу, лишь слегка напоминало тучи. Только эти облака были чёрными, непрерывно меняющими свои очертания. Послышался резкий птичий гомон. Птицы пикировали на землю, не обращая внимания на людей, глотали гусениц, снова взлетали и исчезали. Вскоре пропали и слизни, до отказа набив брюхо хвойным опадом.

– Ну и дела, – наконец, вымолвил Ляховский. – Что за хрень тут произошла?

Аюн лишь пожал плечами, стряхивая с обуви отвратительный зелёный комок.

– Похоже, мы – первые люди, кто видел всё это. Только не к добру оно, не к добру: такая резкая смена. Природа явно к чему-то приготовилась. Только вот к чему?

Путники взвалили на плечи свой скарб и пошли вперёд. Переход через замёрзший лес обещал быть лёгким, поскольку путь пролегал по голой земле. Они шли, изредка обмениваясь фразами, улыбаясь и поддерживая друг друга. Из носов и ртов вырывались струйки пара, земля, пока ещё тёплая, тоже испускала белые испарения. Дмитрий, видя, что юноша трёт обнажённые до плеч руки, отдал ему рубашку и штаны. Впрочем, эта одежда мало спасала, так как она была летней. Но охотника это не пугало. В дороге тело разогревается са-

мо, а на стоянках всегда можно разжечь огонь.

Люди ошиблись, рассчитывая на лёгкую дорогу. Небо снова заволочло сплошной серой массой туч. Стеной повалил снег. Крупные хлопья стали закручивать в воздухе замысловатые пируэты, сталкиваясь друг с другом, кружась и вальсируя. Сначала они таяли, едва соприкоснувшись с землёй, но, спустя время, тонкий слой снега смог укрыть тёмный грунт. Снегопад усиливался, переходил в настоящую метель.

Опять поднялся ветер. На этот раз он бросал в лица белую колючую массу, залеплял глаза, сбивал с ног, словно пытаясь остановить, заставить повернуть назад и от чего-то спасти.

Люди устали бороться со стихией. Они остановились, скинули с плеч тяжёлые ноши. Юноша сильно замёрз и дрожал, как осиновый лист. Дмитрий безжалостно срубил молодое дерево, поспешно разжёл костёр. Аюн опять уловил импульсы, распространившиеся по лесу. Спасительный огонь обогрел одиноких путников, дал им надежду на лучшее. Они передохнули и поели. Нужно было продолжать путь, поскольку до вечера было ещё далеко.

По дороге они едва не провалились в знакомую уже по болоту глубокую дыру с вертикальными стенками, которую из-за обильного снегопада было очень сложно увидеть. Спасла маленькая коробочка на плече Ляховского, которая предупредила людей своим треском.

Глубина снега нарастала пугающе быстро. Люди уже по щиколотку погружались в него ногами. Если снегопад

продолжится в таком же духе, то к утру путники будут увязать в нём по колено. К счастью, вечером небо очистилось, и ненавистный ветер стих.

Замёрзшие путники разбили лагерь, заготовили дров на всю ночь, которая, должна была быть холодной. Они, как и много раз ранее, провели вечер в разговорах и мелких делах.

Дмитрию пришла в голову идея. Используя удивительные свойства дров гореть длительное время, пришелец соорудил длинный костёр типа «нодья». Путешественники заснули по обе стороны пламени, обогреваемые от затылков до кончиков пальцев на ногах.

Наступившее утро оказалось дьявольски холодным. Земля за ночь остыла, и, если бы не горевший всю ночь огонь, люди могли бы и не проснуться. Путешественники почувствовали лёгкое недомогание. У них покраснели и заслезнились глаза, из носов стала обильно выделяться слизь. Решив, что это всего лишь простуда, они, как ни в чём не бывало, позавтракали и отправились дальше. К полудню симптомы усилились. Веки набухли, глаза покраснели, появилось сильное жжение в горле. Аюн постоянно чесался, как блохастый пёс, чихал, тёр глаза. Ляховскому всё это очень не нравилось. Он начал что-то подозревать.

Проходя мимо группы деревьев Аюн вдруг страшно побледнел, качнулся и упал на колени. Дмитрий почувствовал, что ему самому сдавливает горло. Он с трудом сделал вдох, со страхом увидел, что его спутник валится набок с посиневшими губами и жуткой гримасой на лице. Пришелец скинул рюкзак, из которого извлёк пенал со шприцем и ампулами. Он торопливо вколол два препарата юноше и себе самому, запрокинул ему голову, зажал нос, с силой выдохнул воздух юноше в лёгкие несколько раз.

Аюн ожил. Он открыл свои серые глаза, обрамлённые густыми чёрными ресницами, посмотрел на безмолвные деревья и на Ляховского, который сам ещё с трудом дышал.

– Я понял, – прошептал он. – Этот лес хочет нас убить.

– Да, мой друг, – грустно улыбнулся Дмитрий. – Он защищается от таких, как мы. Увы, человеку здесь нет места. Впрочем, если бы мы не рубили деревья... но тогда мы бы попросту замёрзли.

Чужестранец покопался в пенале, пересчитал ампулы, наморщил лоб, открыл карту.

– Лекарств мало. Нужно что-то делать. Чёртовы шишки! Ты как, оклемался?

– Вроде да.

– Тогда вперёд!

И они пошли. Сперва пошатываясь, но потом всё уверенней. Через пятнадцать минут Дмитрий вколол вторую дозу препаратов, эффект от которых должен был сохраниться

до вечера.

Лес, по-прежнему, источал губительные вещества. Иногда, сквозь просветы, люди видели мельчайшую желтоватую пыль, сыпавшуюся из мужских шишек, когда они проходили мимо них. Деревья начинали свою химическую атаку только тогда, когда путешественники находились под ними и прекращали, когда люди уходили далеко вперёд.

Дмитрий думал, как защититься от пылицы. У него не было с собой средств индивидуальной защиты. Изобретать же повязки из подручных материалов смысла не было. Всё равно они не смогли бы удержать зёрна, размером с несколько десятков микрон. Единственным способом спасения оставалось бегство. Нужно было выйти на продуваемую ветром поляну или прогалину. Но тайга здесь росла плотно, ровно, без проплешин.

Только вечером путешественники остановились на ночлег. Выбора не было: пришлось снова рубить деревья для костра. Аюн ощущал злую пульсацию, бьющую отовсюду. Ляховский, уже в который раз за день, открыл карту в надежде найти хоть что-нибудь. Его глаза бегали по странице и вдруг остановились на неприметном символе, который затерялся среди прочих. Они могли достичь этого места примерно за двое суток. Именно на этот срок и должно было хватить спасительных лекарств.

Дмитрий подкрутил колесико на часах. Ночью, перед проявлением симптомов, они завибрировали. Ляховский

проснулся и сделал очередные инъекции. Точно такие же операции он провёл утром. Наскоро позавтракав остатками мяса, путешественники скорым шагом двинулись дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.